

ТЭЙЛОР АДАМС

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Тэйлор Адамс

Поле зрения

Серия «Детектив – самое лучшее»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42812470
Поле зрения / Тэйлор Адамс: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-106944-5*

Аннотация

Рутинный быт, взаимная холодность, неудачные попытки завести ребенка, пожар... Супруги Элли и Джеймс Эверсман решили постараться изменить жизнь и спасти свой брак, переехав в другой город.

Однако в безлюдной пустыне Мохаве их автомобиль и еще одна проезжавшая мимо машина, полная пассажиров, внезапно стали игрушками безжалостного маньяка-снайпера.

Пули летят, словно из ниоткуда. Связи нет, вызвать помощь невозможно!

А стрелок прекрасно подготовлен и будто бы забавляется, расстреливая безоружных, растерянных, испуганных людей, как мишени в тире.

Но кто он?

Зачем методично, с садистской жестокостью убивает незнакомцев?

И главное, как его остановить?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	60
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Тэйлор Адамс

Поле зрения

Посвящается маме, отцу,

Райли и Жаклин.

Спасибо вам за все

Эта книга – литературное произведение. Все имена, персонажи, предприятия и организации являются либо вымыслом автора, либо описываются в выдуманных обстоятельствах. Сходство с реальными людьми, как умершими, так и ныне здравствующими, событиями и местными приметами случайное. В тексте употребляется американское правописание английского языка за исключением тех случаев, когда автор намеренно подчеркивает особенности произношения или диалекта.

Глава 1

Для убийцы Уильям Тэпп выглядел в эту минуту отменно глупо. Его бурый силуэт, состоявший из веток сухой травы, резал глаз. словно высушенная под жарким солнцем Моха-ве Болотная тварь, он то брел по склону, то карабкался через каменные россыпи. Дышал хрипло, со свистом. Колени хрустели и горели огнем. Выбывающееся из сил сердце старалось накачать кровь всюду, где требовалось.

Да и костюм удобств не добавлял. Это был самодельный снайперский маскхалат – волейбольная сетка с прикрепленными для скрытности джутовыми нитями и растительностью пустыни: носить его было все равно что таскать на себе целый парник, пропади он пропадом. Приникнуть к земле – ох как непросто, и уж совсем катастрофа, когда возникало желание пописать.

Он добрался до вершины под голубым небом, бросил рюкзак с кукурузными палочками «Читос», желейными конфетами в виде рыбок и упаковкой с шестью банками энергетического напитка с виноградным вкусом и принялся за свое оборудование. Отсюда открывался потрясающий вид – живая панорама лесистых пространств Невады и темно-лиловые горы были вполне достойны претендовать на Пулитцеровскую премию. Ничего этого Тэпп не замечал.

Он надвинул капюшон маскхалата на лицо, ощутил, как

щекочет губы мертвая трава, и, словно опускающаяся на землю тень, переместился в прерию.

Теперь Уильям Тэпп выглядел вообще как ничто.

– Берегись!

Джеймс Эверсман ударил по тормозам, и «тойота» резко клюнула носом, как скоростной катер, с которого сбросили якорь. На мгновение мир перекосился. Ремень врезался в грудь, волна медного привкуса прокатилась во рту. Джеймс так и не понял, то ли ударился губами о руль, то ли прикусил язык.

Жена Эль отреагировала быстрее – благодаря трем чашкам кофе в день ее рефлексy были обострены. Она уперлась ладонями в приборную доску – волосы цвета темного шоколада закрыли ей лицо – и что-то прошипела. Джеймс расслышал: «дерьмо собачье!» Что касалось крепких выражений, жена не всегда находила нужных слов.

Аварии удалось избежать, но ощущение было таким, будто они врезались в препятствие. Неподвижно стоявший на дороге бело-коричневый с запыленными стеклами полицейский «форд» неожиданно возник на последнем повороте серпантина с разрешенной скоростью семьдесят миль в час. Однополосное шоссе в этом месте вырубили в скале, и гранитные стены нависали над ним, словно шторы. Промедли Джеймс мгновение с тормозами, отвлекись от управления машиной или что-нибудь еще... Он выкинул эти мысли из

головы, поскольку толку от них не было. Из пособия по первой медицинской помощи Джеймс знал, какие бывают последствия аварий на трассах, а один его коллега отозвался об этом так: человеческое тело становится удивительно похожим на помидор. Когда отхлынувшая от головы кровь вернулась обратно и нос защекотал запах подгоревших тормозных колодок, Джеймс был способен лишь на негромкое «ничего себе». В пяти шагах от переднего бампера стоял патрульный автомобиль округа Пайют.

– Ха! – Жена откинула волосы с глаз. – Еще чуть-чуть, и тапочки в угол.

– Да уж...

– Какого черта он торчит посреди дороги?

– Откуда мне знать... – У Джеймса пересохло в горле. – А вот и он сам.

Это был низкорослый помощник шерифа, направлявшийся в их сторону. Одна его рука болталась у бока, а другой он придерживал комически огромную широкополую шляпу. Она была размером почти с сомбреро. Коротышка спешил по скошенной правой гравиевой обочине, где, как успел заметить Джеймс, напротив каменной стены примостилась другая машина. Новый белый грузовичок. Не разбитый, но брошенный. У Джеймса еще хватило сил удивиться: куда подевался водитель?

– Чучело «косолапое»¹. – Эль сдержала смехок. – Мед-

---

¹ Американские дальнобойщики называют «косолапыми» патрульных, скрыва-

ведь Смоуки ждет не дождется вернуть себе шляпу.

– Не таращся на него, – предостерег муж.

– Лишь благодаря тебе не произошло аварии.

– Прошу, не смотри на него так. – Джеймс нажал клавишу электростеклоподъемника, и, когда окно открылось, показалось, будто произошла разгерметизация: вязкий воздух хлынул в салон, и он поперхнулся жаром и щелочной пылью.

Звук шагов помощника шерифа был тягучим – он ступал по плавившемуся под солнцем асфальту. Стараясь не закашляться, Джеймс осторожно вдохнул – он нервничал и клял себя за это. Прежде его вообще не останавливали полицейские, что он относил за счет своей грамотной манеры вождения. Эль как-то сравнила его с маленьким круглым роботом-пылесосом, какие покупают богачи. Как же их называют?

– Боже! – Задыхнувшийся коп оперся ладонью о дверцу. – Как же я не сообразил включить проблесковые маячки?

– Все в порядке, – успокоил Джеймс, хотя не считал так. Он был поражен, каким молоденьким оказался помощник. Парень был явно только что со школьной скамьи – хилая, пытающийся отпустить усы, которые никак не росли.

– Я просто... По этой дороге в день от силы проезжают три машины. Прошу прощения. – Полицейский шмыгнул носом, распрямился и указал на грузовик на обочине. – Вот, брошен в этом месте. Дверцы не заперли, мотор работает. Сорок

баксов в зажиме для денег на центральной консоли. Такое впечатление, что водитель вышел отлить и пропал. Стоит себе один на обочине.

– Припарковался у дороги? – Эль вскинула голову. – Может, заметил что-нибудь и пошел проверить?

Джеймс изобразил фальшивую улыбку. «Косолапый» помощник Ругл Хаусер не обратил на это внимания. У него была странная манера говорить. Желая сообщить что-то собеседнику, он, как в компьютерной программе презентации, чрезмерно акцентировал первое слово фразы. Почти как если бы пытался скрыть присущий ему акцент. Он снова извинился и спросил, не видели ли они кого-нибудь, кто бы голосовал у дороги или шел по обочине. Разумеется, они ничего не видели. Ближайшим населенным пунктом был Мосби – захудалый городишко, выросший вокруг серебряной шахты и находившийся, по словам полицейского, в одиннадцать «кликах» от них. Почему бы не сказать «в километрах» и обойтись без словечек из «Звездных войн»? Бросать в этом марсианском мире скал и неба исправный автомобиль – поступок странный. Если не опасный.

Полицейский вдруг произнес нечто такое, что еще больше встревожило Джеймса:

– Вы коп?

– Нет. – Вопрос прозвучал ударом между глаз. – С чего вы взяли?

– Пожарный? Спасатель? Охранник? – Парень многозна-

чительно прищурился из-под полей своей идиотской шляпы. – Вы уж поверьте: я всегда отличу человека из чрезвычайных служб от гражданского. У вас сосредоточенный взгляд.

Джеймс пожал плечами:

– Ничего подобного.

– Он занимался на медицинских курсах, – объяснила Эль. – Сто лет назад.

– Нет, – вздохнул полицейский. – Это не в счет.

Изрек коп в сомбреро, подумал Джеймс и, представив, как Эль старается сообразить что-нибудь поостроумнее, пожелал, чтобы она оставила это при себе. Он дождался, когда неловкость исчезнет, и спросил как можно искреннее:

– Могу вам чем-нибудь помочь?

Глаза «косолапого» помощника сузились.

– Сообщите, если увидите бредущего вдоль дороги человека – пожилого, дезориентированного, со странностями. Эта пустыня пожирает людей. Округ большой, а наше отделение маленькое.

– Насколько маленькое?

– Вполовину меньше, чем нужно.

Коп учтиво кивнул и, повернувшись, направился к патрульной машине. Его ботинки сорокового размера чавкали в раскисшем от жары асфальте.

– Метр со шляпой, – шепнула Эль.

Глядя копу в спину, Джеймс рассеянно кивнул.

Эта пустыня пожирает людей...

Дверца хлопнулась со звуком выстрела. Вспыхнули стоп-сигналы, полицейский прижался к стороне дороги и плавным жестом пригласил их двигаться дальше. Джеймс поднял стекло и, проезжая мимо, снова покосился на таинственный белый грузовик. Окна сверкали отраженным солнцем, не позволяя рассмотреть, что творилось внутри. Мелькнула наклейка на бампере – три заглавные буквы «МПР». В следующее мгновение грузовик оказался позади и растворился в пространстве. На секунду Джеймс задался праздным вопросом: что значили три эти буквы? Мексиканское публичное радио?

Дорога продолжала петлять, и скалы становились все заостреннее – вздымались из-под земли, словно прорывающие кожу кости. Джеймс заставлял себя приглядываться к каждой тени, осматривать каждый клочок пространства: не идет ли человек. Он не был врачом, но умел в кризисной ситуации оказать первую помощь.

– Хорошо, что ты водишь машину, как «Румба», дорогой, – промолвила Эль.

Джеймс кивнул. «Румба» – вот как называются роботы-пылесосы, о которых он вспоминал.

Повисло неловкое молчание. Через несколько минут они опять превратились в несчастных людей, которыми были до этого короткого развлечения – оба в состоянии явного замешательства, владевшего ими под шелест покрышек по ас-

фальту. Короткий выброс адреналина пошел на пользу, и Джеймс не отказался бы от новой порции, чтобы на время снять напряжение.

– Хочешь об этом поговорить? – спросил он жену.

Эль покачала головой.

Вот и ладно. Он тоже не хотел это обсуждать.

Путь до Талсы был неблизким, а они не проехали еще и половины.

Через шесть миль Джеймс и Эль остановились заправиться в пустыне Мохаве на бензоколонке с закусочной – тихом местечке с заправочными пистолетами из эпохи семидесятых годов и из того же времени грилем для хот-догов. Над парой уличных бетонных столиков висел белый, оттенка кости транспарант, приветствующий въезжающих в Мосби автомобилистов, а ниже скачущим компьютерным шрифтом сообщалось: «Инопланетяне потерпели крушение в Розуэлле, когда искали дорогу в Мосби!!!!!»

Пять восклицательных знаков, отметил Джеймс. Неужели не хватило бы четырех?

Характер он имел слишком добродушный, чтобы быть несгибаемым апологетом в области грамматики, но глаз на такие вещи он имел наметанный. В Калифорнии Джеймс представлял одиннадцать местных радиостанций в качестве менеджера по работе с клиентами, хотя изнеженные руки ставили его в неловкое положение, когда дело доходило до

рукопожатий. Кто же доверится человеку, который не занимается физическим трудом? Часто перед важными переговорами Джеймс подумывал: а не натереть ли ему металлической мочалкой мозоли на руках?

– Как ты считаешь, он за нами следит? – спросила Эль, когда он, включив колонку, отступил в тень навеса над заправкой.

– Кто?

– Тот тип в джипе. В черном джипе вон там.

Джеймс поднял голову. Пыльный внедорожник стоял параллельно заправке поперек белых парковочных линий. Солнце на тонированных стеклах прорисовывало два подголовника и перед ними человека – не голова, котел, неестественно вздувшийся вбок. На такую не налезет никакая шляпа. Дважды усомнишься, прежде чем признаешь в этом чуде человека. Существо не двигалось и не дышало.

Джеймс поежился.

– Затылком чувствую его глаза. – Эль нажала кнопку дверного запора и загородила локтем лицо. – Подкрадываются всякие. Ненавижу, когда на меня таращатся.

– Две минуты, и мы уедем.

– Неудивительно, что это место выбрали для испытаний атомной бомбы. Пропавший штат.

Джеймс кивнул.

– Не понимаю, почему Мексика хочет забрать его обратно?

Он расплатился за бензин кредитной картой. Допотопный заправочный пистолет перекосялся и застрял. Пока он поправлял его, краем глаза заметил, что голова человека в черном джипе проявилась за залитым солнцем стеклом. Асимметричной частью была портативная рация, которую прижимала к уху рука с похожими на сигары пальцами. Опустив рацию, человек с металлическим скрипом распахнул водительскую дверцу.

Эль вжалась в сиденье. Джеймс заливал бензин и старался быть равнодушным. Это ему не удавалось. Из машины выбрался медведеобразный мужчина. На нем была штормовка, издававшая при каждом шаге свистящий звук прорезиненной ткани. Он мог бы сойти за мужественного персонажа с рекламы сигарет «Мальборо», если бы в нем не было чего-то до странности иностранного. Подобных придурков душил Джеймс Бонд, когда пробирался на секретную советскую базу. Волосы были забраны в конский «хвостик», шестидюймовую бороду запорошила седина. Мужчина захлопнул дверцу и с серебристым кофейным термосом, охваченным яркой наклейкой, направился к закуской. Что было изображено на ней, на таком расстоянии Джеймс разобрать не сумел.

– Привет, киска, – прошептала Эль.

– Что?

– Стикер с изображением белой кошечки. На его термосе.

– Ах, это... – поморщился Джеймс. – Ладно.

Советский ковбой прошел мимо двойных дверей в помещение, сел за цементный столик под транспарантом с приглашением в Мосби и стал смотреть прямо на них. Он был менее чем в двадцати футах, и за его спиной расстиралась бесплодная земля. Спокойно попивая из своего идиотского термоса, мужчина по-прежнему не отводил взгляда от Эль. Она взглянула на него из-за приборной панели и вздохнула.

Счетчик бензоколонки щелкал подобно метроному. Внутри что-то испорченно дребезжало. Джеймс сверился с серым цифровым экраном – в бак вылился всего один галлон. Он нетерпеливо потряс пистолет. Так и ждал, что Эль вот-вот скажет: «Не пытайся задираться. Пусть все идет, как идет. Не геройствуй, иначе все только усложнишь». Прошло несколько секунд, но она молчала – знала, что муж миролюбив. Не мог, не покраснев, даже попросить официантку унести в кухню подгоревшее мясо. А Джеймс рассчитывал, что жена это скажет, чтобы ему польстить.

– Я решила, – произнесла она.

Джеймс медлил. Жена сидела на пассажирском сиденье, подложив под себя ладони, опустив голову и надув губы. Он понимал, что разговор вернулся к прежней теме и теперь от него не уйти.

– Что решила? – Одним глазом он продолжал следить за советским агентом.

– Я не хочу снова беременеть.

– Уверена?

– Да.

Джеймс ощутил, как из губы в рот потянуло теплотой. До этого она не сильно кровоточила, но теперь напоминала конфеты, из которых брызжет сок, если надкусить их. В желудке возник металлический привкус, но он даже обрадовался – готов был отвлечься на что угодно: все лучше, чем говорить про это. Врезать бы советскому ковбою по зубам и выиграть несколько минут.

– Прости, Джеймс. Больше не могу.

Он сплюнул в грязь. Слюна была ярко-красной.

Мужчина глотнул из термоса, распахнул штормовку и шлепнул на стол лист желтой бумаги. Аккуратно разложил три толстых карандаша, коснулся каждого и выбрал средний.

– Чем он занимается? – спросила Эль.

– Какая разница? – Опершись ладонями о горячую крышу кроссовера, Джеймс заглянул в салон. – Сейчас поедem.

Его слова усиливал царапающий звук – будто в сухом кустарнике сворачивалась кольцами змея – морзянка долгих и коротких прикосновений грифеля к бумаге. Он нас рисует, догадался Джеймс. Или только Эль.

– Надежда – вот что меня убивает, – вздохнула Эль. – Так я считаю.

– Каким образом?

– Страшусь положительного результата теста. Мне ненавистны эти две розовые полоски. Слишком опустошает сначала испытать счастье, а через три месяца снова выкидыш.

И в отличие от тебя, Джеймс, мне больно видеть в каждом человеческую душу.

Он провел рукой по своим рыжеватым, тускнеющим по мере приближения тридцатилетия волосам. Каждому ребенку давалось имя – Джеймс мог назвать его, начиная с января, три года назад, когда они поженились: первый Дарби, затем Джейсон, Аделаида (которая дотянула почти до конца шестого месяца и отравила Эль надеждой), Кэрри, Росс... Прошлый, шесть недель назад, похоже, стал последней каплей. В тот момент Эль решила, что будет повторно давать имена, и это оскорбило Джеймса. Показалось неосознанно бездушным – если у человечка есть хоть ничтожный шанс выжить, самое малое, чем можно ему помочь, – дать имя. И не повторяться.

– Мы справимся, – сказал он.

– Много ты знаешь!

– Еще не все потеряно. – Джеймс передразнил выговор ее чернокожего врача. – Шансов мало, но они есть.

– Что верно, то верно. Родить ребенка шансов мало. Так же как мало шансов превратить нашу машину в говорящий автомат. – Эль закатила глаза и выдавила улыбку. – Хотя она и японская, я не очень на это рассчитываю.

– Вот это совершенно невозможно. А шансов выиграть в лотерею просто мало.

– Я и на это не рассчитываю.

– Люди постоянно выигрывают.

– Докажи. Купи миллион билетов.

– Хорошо. – Джеймс помолчал. – Так мы о чем говорим: о сексе или о лотерее?

Эль не рассмеялась, и неоцененная шутка словно повисла в воздухе. Она смотрела вниз, и, целуя ее в лоб, он уловил запах зеленого яблока, оставшегося от дешевого шампуня, которым она мыла голову в мотеле Фэрвью. У глаз он заметил россыпь веснушек, на ресницах висели слезинки, как маленькие капельки дождя.

Колонка щелкнула. Десять галлонов.

Мужчина поменял карандаш, зажал поперек костяшек пальцев, и штрихи сделались короче. Видимо, взялся за мелкие детали. Каждые несколько секунд он прерывался, чтобы навести тени, потеряв бумагу подушечкой большого пальца. Затем сердито посмотрел на Джеймса, словно говоря: «Отойди, не мешай».

Джеймс уперся подошвами ног в землю и сплюнул сгусток крови. Ему внезапно захотелось поссориться с этим человеком – глупо, но хотя бы что-то. Может, если разбираться на бензоколонке с мелкими проблемами, большие покажутся не такими гнетущими. Однажды он слышал, что кризис мужского пола проистекает из того, что большинство современных проблем невозможно решить ударом по физиономии. Но поскольку мордобой не являлся сильной стороной Джеймса, он вообразил, что это прекрасно адаптирует его к нынешнему миру. Он был отзывчив, умен, умел внима-

тельно слушать других, но ни одно из этих качеств не могло помочь ни Эль, ни их нерожденным детям. И вот сейчас ему просто хотелось съездить незнакомому человеку по морде.

В голове прозвучали отцовские слова, даже не произнесенные вслух, абсолютно предосудительные и чуждые: «Будь вежлив, обходителен, но планируй убить всех и каждого, кого встретишь».

Колонка снова щелкнула. Бензин залит.

– Ты действительно веришь во всю оптимистическую чушь, которую несешь? – спросила жена.

– Да, – солгал Джеймс.

Он смял чек и захлопнул дверцу с такой силой, что брякнули стекла. Эль вытерла глаза ладонью. Муж ударил по газам, вывел «тойоту» на дорогу, притормозил, опустил стекло, посигналил и показал советскому ковбою средний палец.

– Вот так-то. – Он ощутил в горле ком. – Я это сделал.

– А теперь, пожалуйста, поезжай побыстрее, – попросила Эль.

С полным желудком проглоченной крови Джеймс наблюдал, как фигура человека превращается в черточку в зеркальце заднего обзора. Тот повернулся на скамье, глядя им вслед. Загадочная рация (Черт! Джеймс про нее совершенно забыл) снова была в его руке. На таком расстоянии он не мог разглядеть выражение лица, но представил на загорелой физиономии самодовольную ухмылку и понадеялся, что совершил не самую большую в своей жизни ошибку, в округе,

где все полицейские силы насчитывают двух человек.

Зачем мне это понадобилось?

– Дорогой...

Спидометр пополз за сотню, и Джеймс придавил тормоз.

– Вот сюжет о том, как я подставил нас под убийство.

– Если он станет преследовать нас, я тебя поколочу.

Но советский ковбой за ними не погнался, что оказалось еще хуже. Они пересекли границу Мосби и углубились на две мили в бесплодные пространства, когда радио «тойоты», последние сорок миль ловившее одни помехи, выхватило на фоне нескончаемого треска человеческий голос.

Глава 2

Шипение рации Уильяма Тэппа свидетельствовало об установленной связи.

Он ел «Читос» и, чтобы не пачкать пальцы оранжевой пылью, подносил их к губам медицинскими щипцами. Теперь отправил в рот восемнадцатую палочку (он по привычке считал то, что съедал). Обычно в пачке находилось около ста тридцати «читос», но в последнее время число снизилось до ста пятнадцати, а то и ста четырех в прошлом году. Тэпп относил это за счет жесткой экономии.

Его вердикт по поводу пары из Калифорнии в желтой «тойоте»?

Он пока не решил.

И прежде чем ответить, бросил на язык девятнадцатую палочку и не стал жевать. Так она размокнет, превратится в кашеобразный шарик, и ее можно будет проглотить целиком.

Джеймс и Эль слышали только два обрывка разговора – части фраз, как при переключении каналов старого аналогового телевидения. Первая звучала вроде как: «осталось четыре часа». И вторая – «черный глаз», причем оба слова произнесли как одно. Затем искажения все заглушили, и они, словно лишившись дара речи, сидели в оцепенении.

Эль подкрутила регулятор громкости:

– Это был...

– Нет. – Джеймс был уверен, что голос не принадлежал тому мужчине. Совершенно непохожий. Тонкий, слабый, произведенный ущербными голосовыми связками и худосочной грудью. Еще возникло впечатление, будто говорившему что-то мешало во рту – лежало на языке, например леденец. Джеймс слышал, что у Авраама Линкольна был слабый, дребезжащий голос, никак не сочетавшийся с его великой личностью. И именно такой, по какой-то неизвестной причине, только что прозвучал по радио. Вот именно, Авраам Линкольн. Дух великого республиканца возник на волне 92,7 FM и до смерти напугал их.

– Может, пробилась станция разговорного радио, – тихо предположил Джеймс.

– Осталось четыре часа. До чего?

– Не знаю.

– Где мы будем через четыре часа?

– В Аризоне. – Он сверился с навигатором на приборной панели. – К тому времени начнет темнеть. Мы в получасе от границы штата, затем бросок через Скалистые горы, и мы оставим это кошмарное место далеко, далеко позади. Рада?

Эль кивнула, но в ее лице не осталось ни единой кровинки.

Джеймс прибавил газу.

– Ты в порядке?

– Кто же это такой, что оставил там исправную машину? –

Голос Эль звучал монотонно, как у зомби. — Да еще с сорока долларами в салоне, в десяти милях от города в сорокаградусную жару?

Об этом эпизоде Джеймс уже забыл. Существовало много разных объяснений, но ни одно из них не звучало убедительно. Он сосредоточился на дороге, которая неспешными склонами то поднималась вверх, то опускалась вниз. Местность стала неровной, словно скомканный лист бумаги: впереди возникли холмы со странными подушкообразными вершинами, сгрудившиеся так, что образовали подобие лестничных ступеней. Единственным напоминанием, что они не на Марсе, служили испещрившие пейзаж, похожие на сгорбленные пугала южки. Если долго смотреть на них, создавалось впечатление, что они переходят с места на место.

Эль вглядывалась в мелькавшие за окном картины. Она впала в свое особенное состояние транса. Это выражение Джеймс когда-то назвал проникающим за тысячу ярдов взглядом фотографа. В то время журнал «Сакраменто» поместил ее на вторую позицию в списке двадцати местных авторов, чьи работы рекомендовалось посмотреть. Эту страницу Джеймс вставил в рамку и повесил в столовой у них в Калифорнии. Теперь же ее затолкали куда-то вместе с другими пожитками, которые тихонько потренькивали на заднем сиденье. Публикация была четыре года назад. С тех пор Эль спланировала свои фотоаппараты на сайте «Крэйглист».

– Не тревожься, – обратился к жене Джеймс. – Я видел много фильмов ужасов. Ничего плохого в пустынях не происходит.

Эль усмехнулась. Он дотронулся до управления приемником, чтобы выключить радио. Часто, если в динамике возникает «размытый» звук, это сигнал местной телестанции. Наверное, то же произошло и в их случае. Джеймсу хотелось поиграть настройкой – не удастся ли поймать что-нибудь еще, что послужит соблазнительной подсказкой? Но он понимал, что это лишь забава. Теперь самое главное – двигаться вперед и не останавливаться, пока они, как планировалось, не доберутся до Флагстаффа в Аризоне. Они уже были бы на месте, мрачно подумал Джеймс, если бы по настоянию Эль не сделали крюк в сотню миль в атомную пустошь ради этой дурацкой приманки туристов – Музея смерти.

– Черт! – воскликнула она.

Джеймс тоже заметил. В конце полумильного прямого участка возникло мерцающее за пологом воздуха и кипящей мутью небес красное препятствие. Через полминуты миражи рассеялись и обернулись предупреждающим знаком, по сторонам которого стояли преграждающие дорогу цилиндры. Знак гласил: «Объезд оползня». Джеймс еле удержался, чтобы не треснуть кулаком по рулю. Вовремя сообразил, что хотя бы ради Эль нужно оставаться внешне спокойным. Она и так по его милости в этот день достаточно хлебнула.

– Предписание властей, – пробормотала она. – Ненавижу

это место.

– По крайней мере, есть объездной путь. Не надо поворачивать обратно и ехать мимо типа, которого я недавно подразнил.

– Струсил?

– Предлагаю вариант получше: в каждом городе, который мы будем проезжать, стану выбирать самого жуткого молодца и проделывать с ним то же самое. – Джеймс скрипнул тормозами и приблизился к ограждению оползня. – Когда мы окажемся у нашего нового дома, за нами будет гнаться целый отряд убийц.

– Наш новый дом, – повторила с мимолетной улыбкой Эль. – Клянусь Всевышним, нет ничего, что звучало бы приятнее.

Он тронул ее руку.

Дома там пока не было. Как не было и работы.

Выкрутив руль, Джеймс свернул на объездную дорогу. После плавной, как по маслу, поездки по асфальту движение по грунтовке показалось зубодробительным. Она сама была не так плоха – петляющий объезд, зажатый среди каменных стен и груд песчаника, – но сорвись он с колеи, им пришлось бы плохо. Оползень на шоссе не оставлял выбора, однако Джеймса не покидало ощущение, будто он герой из фильма ужасов и взволнованные зрители швыряют в него попкорном: «Не лезьте туда, идиоты!»

Джеймс надавил на акселератор и поехал быстрее.

Эль вытянула голову и смотрела в зеркальце заднего обзора, словно ждала, что за ними вот-вот материализуется черный джип.

– Осталось четыре часа, – таинственно, как предсказательница, прошептала она. – Черный глаз.

Джеймс прибавил скорость.

Через десять минут головокружительного серпантина пейзаж опять открылся. Они находились на краю чаши, где под ногами было спускающееся к низу пространство, а горизонт со всех сторон ограничивали образующие стены белые скалы. Картина напоминала виньетку древнего кратера вулкана. Объезд, подобно тонкой, не толще волоса, просеке, нырял прямо вниз, пересекая долину и темное русло реки. Затем поднимался по противоположному склону. «Ничего себе объезд, – подумал Джеймс. – Мы окажемся в Мексике, когда он выведет нас обратно на дорогу».

Эль, как от удара электрическим током, дернулась вперед и ткнула пальцем в стекло. Джеймс нажал на тормоз.

– В чем дело?

– Видишь его?

– Кого?

– Я что, по-твоему, спятила? Неужели не видишь?

Джеймс прищурился от раскаленно-белого солнечного света и проследил, куда указывал ее палец. Затем остановил «тойоту», отчего ему стало совсем не по себе – мужчина в

эту самую минуту мог гнаться за ними на своем безобразном черном джипе. Вот о чем следовало беспокоиться. Этот тип мог материализоваться за спиной в любой момент, и ни одна живая душа здесь не услышит рева его мощного мотора. Джеймс вздохнул:

– Не вижу ничего, кроме пустыни, дорогая.

– А ты приглядишься, и удивишься его. – Теперь она говорила едва различимым за ворчанием двигателя шепотом.

Он заметил, как дрожит ее палец. То, как Эль произнесла слово «его», испугало Джеймса. Словно жена упомянула дьявола или нечто подобное. Автомобильные стекла, скрипнув, опустились, и в салон, нарушая покой, словно под давлением, ворвался воздух пустыни. И вместе с ним запах. Джеймс заметил, что последние сто миль здешняя бесплодная земля отличалась своеобразным ароматом – пыли, растрескавшихся камней и гниения воды. Он снова ощутил его в ворвавшемся в машину воздухе и почувствовал тошноту.

– Тебе нужны очки, – сказала Эль, что, надо признать, соответствовало действительности.

– Я его вижу.

Его, или ее, или некое существо. Миниатюрную человеческую фигуру, бредущую к ним в нескольких сотнях ярдов ниже по тянувшейся в глубокую впадину дороге. Голова опущена, руки сцеплены на животе, на открытом пространстве он казался карликом. Может, путешествует на попутках? Джеймс не мог представить, какому идиоту стукнет в

голову ходить здесь в одиночку. Через час от солнца пересыхает во рту, через два возникает ощущение, будто веки превратились в наждачную бумагу. Через три – человек по макушку погружается в безумие и начинает игры со смертью.

Джеймс провел языком по саднящей, распухшей губе. Может, водитель того грузовика?

– Тенистый спуск, – проговорила Эль.

– Что?

Она показала на воткнутый возле дороги кусок плавника, на выбеленном дереве которого то ли прибором для выжигания, то ли раскаленным металлом были выведены буквы. Почерк детский, с нарочитыми закруглениями и сужающимися промежутками между буквами там, где деревяшка сходила на конус.

Эль фыркнула.

– Не вижу здесь ничего угрожающего.

– Ничегошеньки.

Все что угодно, только не поворачивать назад, твердо решил Джеймс.

Нажав на газ, он продолжал путь по объезду, который теперь получил имя – Тенистый спуск, хотя в нем ничто не напоминало не только тень, но и дорогу. Человек стал виден в середине ветрового стекла и, когда они перевалили за край впадины и двинулись вниз, принялся постепенно увеличиваться. Джеймс вспомнил американские горки – сначала подъем в высшую точку, затем момент невозврата и путь

только вниз. Они нырнули ко дну, и дорога сделалась еще хуже. Подвеску трясло на выбоинах, педаль под ногой вибрировала, камни колотили в шасси. На заднем сиденье громко брякала книжная полка.

Джеймс поймал себя на том, что больше следит за фигурой вдали, чем за дорогой. Почувствовал, как рвется из груди его кровоточащее сердце. А если человеку требуется помощь? Не исключено, что он попал в беду. Ведь не по-людски проехать мимо и не спросить, в чем дело. Он вспомнил слова полицейского и сдержал нервный смешок. Если водитель грузовика просто вышел отлить, то забрался слишком далеко.

– Прямо вулкан Сент-Хеленс, – заметила Эль.

Джеймс промолчал.

– Почему ты не смеешься? Ты всегда смеешься.

Когда они жили в Сакраменто, то понятия не имели, что их сосед синтезирует метамфетамин – себе или на продажу. Но однажды проснулись оттого, что под дверь их спальни валили клубы дыма. Лаборатория взорвалась таким оригинальным образом, что огненный шар влетел прямо в их гостиную. Пожарный сравнил это событие со знаменитым извержением вулкана 1980 года в штате Вашингтон. Ничего смешного – уса́тый старик лишь заметил, что в их доме случился настоящий Сент-Хеленс – но Джеймс почему-то смеялся до слез. Эль тоже. Вероятно, их сочли сумасшедшими. Два человека надрываются от хохота, потому что уничтожен

их дом и погиб сосед. Подчас страшное и забавное странным образом уживаются рядом.

– Взрыв как... при извержении Сент-Хеленс.

Под днищем опять брякнуло. Мотор издал звук, будто хлестнули стальным кабелем. На задних сиденьях стронулись с места и скрипнули коробки и мебель. Джеймс надавил на тормоз, надеясь, что покрышка цела. Этого здесь только не хватало.

Теперь от человека, который все так же брел по дороге, их отделяло двадцать ярдов. На нем были джинсы и бледно-желтая куртка. В следующий момент Джеймс увидел нечто такое, от чего у него похолодело внутри, – пришпиленные на спине белые буквы.

– МПР, как это расшифровывается? – спросила Эль.

Джеймс сглотнул застрявший в горле ком.

– Не знаю.

Там, где они чуть не наскочили на полицейский автомобиль, жена не заметила стикера на бампере. Джеймс не хотел скрывать от нее что-то, но не смог пересилить себя и сказать.

МПР.

Еще одна странность: почему этот человек, ускользнувший от «косолапного» стража порядка, не оборачивается посмотреть на догоняющую его машину? Должен же он слышать тарахтение мотора, грохот подвески на выбоинах, шуршание покрышек по гравию. А он, будто в упрямом оцепенении, продолжает путь по этому Тенистому спуску, опустив

голову, пряча лицо и сжимая в подрагивающей руке какой-то небольшой предмет. Джеймс не мог разглядеть, что это такое.

– Что он несет?

– Мобильный телефон. – Угол обзора Эль с пассажирского сиденья был лучше, чем у него. – Похоже, пытается поймать сигнал. – Она вытащила из сумочки свой старый допотопный «самсунг» и открыла крышку.

– Нет черточек?

Она покачала головой.

Вот тебе и служба спасения. Потрясающе!

Джеймс подал три сигнала – два коротких и длинный. И когда человек не отреагировал, почувствовал в животе ту легкость, которую обычно ощущал во время взлета самолета. Эль, демонстрируя мастерское умение утверждать очевидное, промолвила:

– Что-то не так.

Он постучал пальцами по рулю и выдохнул сквозь зубы. Человек пытается воспользоваться мобильником, однако не отзывается на автомобильный сигнал? Бессмыслица. Но такая же бессмыслица бросать по ту сторону Мосби, на обочине в штате Невада исправную машину. Джеймс понимал одно: если сейчас он объедет этого странного путника и поспешит дальше, это скорее всего будет означать несчастному смертный приговор. В Сакраменто рассказывали, как в автобусах на сиденьях умирают старики, но окружающие целый

день этого не замечают, и они продолжают ездить по маршруту. Может, и он когда-нибудь путешествовал рядом с трупом.

Джеймс перевел ручку автоматической коробки передач в положение «парковка».

– Джеймс...

– Мне надо знать, что с ним все в порядке.

– Ты серьезно?

Он отстегнул ремень безопасности:

– Да.

– Рада, что вышла замуж за последнего на земле идеалиста, – пробормотала Эль.

– Раньше было больше таких идеалистов, как я. Но все они погибли, когда останавливались помочь попавшим в беду автомобилистам, которые на поверку оказывались серийными убийцами.

– Надеюсь, этого ты не собираешься дразнить пальцем?

– Достань свой перечный баллончик.

Жена извлекла из сумки маленький черный баллончик с красной кнопкой.

– Слушай, Эль, я хочу с ним поговорить, но мотор выключать не буду.

Джеймс посмотрел на путника сквозь запятнанное разбившимися насекомыми ветровое стекло и снова напомнил себе, что было бы неправильно не узнать, что с ним такое. Речь даже шла не о спасении человека – причина была более

эгоистичной: упрямое любопытство. День был богат множеством намеков, настало время выяснить, что происходит на самом деле. Джеймс открыл дверцу:

– Если со мной что-нибудь случится, не жди, уезжай.

– Стой!

Джеймс замер.

– Что?

– На случай, если ты умрешь, я должна облегчить душу.

– Давай.

– Джеймс... у меня было много любовников.

Он захлопнул дверцу. Слышал такое не в первый раз. Если Эль принимается твердить одни и те же шутки – это явный признак того, что она напугана.

Звук шагов был таким, словно подошвы крошили яичную скорлупу. Стало трудно дышать – воздух как будто уплотнился, сделался тугим, хотя Джеймс не сомневался: долина ненамного ниже уровня моря, если вообще ниже. Громко стреляло в правом ухе, он ощущал спиной взгляд жены. В нескольких шагах впереди человек, почувствовав его присутствие, остановился на полусогнутых ногах.

Тишина.

Оттого что они знали друг о друге, Джеймса пробрал озноб. Рубеж. Точка невозврата. Человек кивнул, демонстрируя похожие на щетину седые волосы вокруг ставшей от солнца красной как рак проплешины размером с карточную фишку. Дернулся, будто собирался повернуться к Джеймсу,

но не стал. Остался стоять, словно повернутый лицом к стене манекен в универмаге.

Отличное сравнение, Джеймс.

Он заметил, как что-то оттопыривается на правом бедре незнакомца, и подумал, не оружие ли это в кобуре. Джеймс ненавидел оружие и все, что с ним связано. Его механическое совершенство, дизайн, всякие пружины и капсулы, выверенные щелчки, хлопки и удары, даже изящество линий в стиле «порше», потому что это демонстрировало лучше, чем что-либо другое, насколько недалёковиден гений человечества, конструируя смерть. У него было тому доказательство: отца Джеймса убили из ружья.

В пяти футах от него человек выдохнул через рот.

Джеймс сознавал, что есть еще время вернуться в машину к любимой жене и остаткам их пожиток, бросить незнакомца и ехать к новой жизни в Талсе. А все, что случилось сейчас, небольшая заминка – потеря нескольких минут, не страшнее бессмысленного крюка к Музею смерти, из-за которого они съехали с главной дороги по настоянию смотревшей на него щенячьими глазами Эль. Там было именно то, что обещал проспект. Восковые фигуры в воспроизводивших средневековую агонию диорамах – дыбы, заточенные маятники – наглядный способ удержать насилие на нулевом уровне. И Эль впитывала это все, как гончая по крови, какой на самом деле и была. Большую часть времени Джеймс провел в холле, читая старый номер журнала «Пипл» и потягивая диетическую

колу за четыре доллара.

Теперь ему хотелось стать негодяем, чтобы бросить во впадине мужчину с буквами МПР. Или хотя бы не быть таким любопытным. Однако ни то ни другое не удавалось.

Он шагнул вперед, и под ногой громче стука двери хрустнула яичная скорлупа. Затем в сознание просочились другие звуки – волнение горячего воздуха, шелест колеблющейся низкорослой травы, шорох песка на ветру. Голос сверчков, похожий на жужжание мух над протухшим мясом. Из «тойоты» что-то сказала Эль, но стекло и плотная атмосфера приглушили слова.

Мужчина продолжал стоять к нему спиной, и Джеймса неприятно поразило, когда он заметил, что шею незнакомца, как и плешь на его голове, докрасна поджарило солнце. Плохой знак – еще немного, и кожа начнет сползать лоскутами. Этот старик топал по земле Мохаве, хотя не был к этому готов. Почему он бросил грузовик?

Горло драло, как наждаком, и Джеймс кашлянул.

– Вы в порядке?

Ответа не последовало.

– Хотите воды?

Молчание.

Джеймс пронзительно свистнул. Может быть, он глухой?

И тут мужчина неожиданно дернулся, как марионетка на перепутанных нитках. Откинул голову, склонив сначала к одному плечу, затем к другому (при этом суставы треща-

ли, точно дрова в печи). Опустил левую руку, и стал виден красный смартфон – тот, что ранее приковывал внимание Джеймса. Экран не светился.

Налетел ветер, на удивление бодряще-прохладный. Пот на коже показался Джеймсу ледяным.

– Я это потерял, – сказал старик.

– Что потеряли?

– Потерял.

Джеймс почувствовал, как и в другом ухе, словно лопнула виноградина, хрустнула барабанная перепонка.

«Я это потерял». Что бы это значило?

– Это было почти у меня в руках, но я потерял. – Старик увесисто, каждый в отдельности, растягивал слога. И наконец повернулся.

Джеймс увидел его лицо и внезапно ощутил на языке вкус сырых устриц.

– Джеймс!

Пока он возвращался к машине, Эль трижды окликала его. Муж не отвечал – глаза напряжены, челюсти сжаты, в лице ни кровинки. Она знала это выражение. За девять лет видела раз или два, однако запомнила навсегда. Он сбилсся с шага и споткнулся.

– Джеймс, что он тебе сказал?

Эль посмотрела на человека, который застыл на дороге на том самом месте, где муж его оставил. Она не поняла, о чем

они успели поговорить. Тот все так же стоял спиной к машине, не сводя взгляда со своего мобильного. Слегка покачивался, как прибитое к ненадежному колу пугало. Затем наметанный взгляд фотографа подметил... странную тень, некую ошибку кода, затемнение вокруг макушки.

Скрипнула водительская дверца. Муж наклонился к салону. На его лбу блестели бусины пота.

– Нужно немедленно везти его в больницу. Заводи автомобиль.

– Что случилось?

– Заводи чертов мотор!

Эль рывком перегнулась на водительское место и схватилась за брякнувшие ключи, но любопытство подтолкнуло ее бросить взгляд над приборной панелью сквозь запятнанное насекомыми стекло. И случайно именно в этот момент незнакомец обернулся и посмотрел на нее.

Сначала Эль не поняла, что ее встревожило. Но от несообразности того, что предстало ее глазам, похолодело в животе и по спине побежали мурашки, хотя она не могла сообразить, что ее смутило. Затем дошло. Силуэт головы был неправильной формы. Из виска над правым ухом, словно из пирога, был изъят небольшой клинообразный кусок. Крови было мало, лишь, напоминая отклеившиеся обои, болтался кусок кожи, а под ним – пустота, отсутствие материи, казавшееся на солнце темным провалом.

Эль открыла рот.

– Не кричи, – прошептал Джеймс.

Она сдавленно пискнула.

– Не смотри.

У человека был стариковский вид – отвислые, как у Эдгара Гювера, щеки, двойной подбородок и коротко остриженные, седеющие волосы. Он ей напоминал кого-то, но Эль не могла вспомнить кого. Мужчина вглядывался в ее лицо, и его глаза превратились в узкие щелочки. Человек обернулся, затем снова перевел взгляд на Эль, и губы шевельнулись, словно он хотел спросить: «Что-то не так?»

Господи!

Эль вежливо кивнула, притворно улыбнувшись.

Ему невдомек, что он искалечен!

– Нельзя, чтобы он увидел свое отражение. Надо закрыть зеркальце.

Джеймс взял жену за руку, стиснул пальцы и повернул ключ в замке зажигания. «Тойота» кашлянула, под капотом что-то звякнуло, словно леска косилки задела за металлический забор, однако мотор не завелся. Пока жена высвободила пальцы, он попробовал еще пару раз, но раздавались только электрические щелчки реле стартера.

– Эль, – тихо сказал он, – у нас возникли проблемы.

Глава 3

Джеймс Эверсман многое умел, а кое-что делал исключительно хорошо. Владел скоростным чтением и все запоминал. Прекрасно справлялся с румпелем парусной шлюпки. Мог приготовить суши, увлекался пчеловодством. Говорил по-испански, понимал немецкий.

Но в автомобилях не разбирался.

Зато быстро обучался и решил положиться на это свое качество. Дернул ручку замка капота и, не обращая внимания на пульсацию в шее, бросился к «тойоте». Ноги не слушались, колени подгибались. Споткнулся о камень – только бы Эль не заметила. Она покачивалась на своем сиденье, подтянув колени к груди.

– Что с ним приключилось?

– Не знаю.

– Ведь он не понимает, что искалечен.

– Да у него вообще не все дома...

Джеймс поморщился жестокому, случайному каламбур и открыл капот. Сразу стало ясно, что порвался ремень вентилятора и, словно сброшенная змеиная кожа, закрутился хрящеватыми узлами. Но что еще хуже, весь мотор от радиатора до переборки салона был забрызган чем-то темным и покрыт выброшенной из-под шасси пылью. Джеймс коснулся липких песчинок на ремне.

– Как с сигналом? – безнадежно спросил он. – По-прежнему ноль?

Эль взглянула на экран телефона:

– Ни одной черточки.

Проклятие!

– Все равно попробуй «девять-один-один». Будем надеяться, что нас засечет вышка службы спасения.

Собираясь стереть масло с пальцев, он провел рукой по внутренней части капота и обнаружил, что поверхность грязная, будто жидкость распылили под давлением и она свисает с капота каплями. Было похоже на то, как бы изобразил Джексон Поллок² внутренности разбившихся на ветровом стекле насекомых. Желтое, оранжевое, зеленое, черное, все в песке – не просто течь, течь для этого слишком слабое слово.

– Такое впечатление, что двигатель взорвался, – произнес Джеймс.

Эль хлопнула водительской дверцей и с телефоном у уха приблизилась к нему.

– Взорвался?

– Да.

Она опустила трубку:

– Ничего не получается. Никакого сигнала.

– Отправь на «девять-один-один» сообщение. Для эсэм-эсок требуется меньшая полоса частот.

---

² Поллок, Джексон (1912–1956) – американский художник, абстрактный экспрессионист.

Джеймс оперся коленом о колесо и, морщась от внезапно-го приступа головной боли, смотрел, как на красной почве расплывается черная лужа. На ее поверхности солнце рисовало радужные завитки. У него екнуло сердце.

Бензин. Масло. И, кроме того, тосол.

– Потекло все сразу?

– Да.

– Кто-то испортил нашу машину. – Эль потерла глаза и сжала в кулаке ключи. – Наверное, тот тип с блокнотом и белой кошечкой, его работа. Чтобы мы забрались сюда, где нет связи и не позвать на помощь. Может, мы видели нечто такое, что нам не полагалось видеть?

Муж взял ее за плечи:

– Мы ни на секунду не оставляли автомобиль без при-смotra.

– Он ехал за нами от самого Музея смерти. Ему явно при-шло по душе то, что он там смотрел. – Эль оглянулась на старика. Тот стоял на краю дороги и глядел на дно гигант-ского кратера. – Как долго может человек прожить в подоб-ном состоянии?

– Откуда мне знать?

– Невероятно. Я считаю...

– Стоп. – Джеймс понизил голос. – Хватит говорить о нем, словно он уже мертвец.

С языка были готовы сорваться слова. Джеймс вспомнил, как она с грустью смотрела на него на бензоколонке, словно

он безнадежно отсталый в своем развитии ребенок.

«Ты действительно веришь во всю оптимистическую чушь, которую несешь?»

– Нужно ему как-нибудь помочь, – сказал он. – Как-то обустроить... Дать воды. Не позволить упасть, заставлять говорить.

– Я думаю, его подстрелили, – вздохнула Эль.

Муж сделал вид, будто не расслышал.

Эль наклонила бутылку с «Аквафиной» к потрескавшимся губам. Сначала старик отказывался пить, и теплая вода потекла по его подбородку.

Эль было десять лет, когда дед перестал узнавать ее. Периоды забывчивости от раннего к умеренному менялись с жесточайшей быстротой; большая часть долговременной памяти исчезла за те две недели, что их семья провела в Гондурсе, где они изготавливали школьные парты. Войдя в комнату, Эль сразу поняла, что дед стал совершенно иным человеком. Размагнитился жесткий диск его натуры. В глазах появилась защитная настороженность, они казались раздраженно-колючими, словно он изучал ее под лампой дневного света. Обидно, если тебя не узнают. Эль не понравилось это. Дед стал чужим, а она не любила, когда на нее тарасились незнакомцы. Даже сейчас, стоит только об этом подумать, и ей становится до странности противно. Пожалуйста, прекратите на меня смотреть.

Старик икнул, и вода вылилась обратно. Вместе с ярко-желтой пенистой желчью. Эль отвернулась, стараясь дышать ртом.

– Все в порядке.

Ничего иного она не придумала и раз пять-шесть повторила то же самое воркующим тоном, хотя сама в это не верила. Эль услышала, как хлопнула задняя дверца «тойоты» и раздались поспешные шаги Джеймса.

Старик согнулся, и солнце осветило рану под таким углом, что все сразу стало видно. Эль не смогла смотреть. Кровь сама по себе ее не пугала – она росла среди драчливых парней. Ужаснула набившаяся в рану грязь – чернота от спрессованного ветром песка. Мозг – самый личный орган, и в нем целая пригоршня песчинок. В этом было нечто оскорбительное, ужасное, трогало сильнее, чем тысяча взорвавшихся голов в тысяче фильмов ужасов. Эль поежилась.

Она вспомнила, как сидела с матерью в машине. Больничная парковка. Она прижалась к холодному стеклу, на котором появлялись бусинки дождя, расцветавшие от света уличных фонарей. Говорить об этом не хотелось. Мать сказала: «Люди подобны машинам. Они состоят из отдельных деталей. Детали стареют, изнашиваются и ломаются. Может сломаться нога или выйти из строя желудок. У твоего дедушки Эллиса непорядок с мозгом». Тогда Эль в возрасте десяти лет сделала вывод, что души не существует, и все, что мы чувствуем и любим, лишь пропитанное жизненными соками

электричество. Сообразила это раньше большинства знакомых ей атеистов. Хотя сомневалась, что это хорошо.

Старик посмотрел на нее в упор и спросил:

– Мы реальность?

Эль похолодела.

– Это все происходит в действительности?

Она сморгнула с глаз слезы и увидела, что он держит что-то в руке. Пятнистый коричнево-табачный бумажник. Старик распахнул его, и на солнце жарким золотом блеснуло нечто вроде звезды. Эль узнала значок. Затем на него упала тень – это Джеймс наклонился, чтобы повязать на голову раненого белую мятую рубашку.

– Вот это да! – Муж посмотрел на значок. – Он что, коп?

– Его зовут Глен Флойд, – сказала Эль, когда Джеймс наматывал ткань на голову старика. Она напоминала косынку. Поверху, под подбородком и назад. Джеймс старался не задеть рану, но когда нечаянно коснулся большим пальцем выступающий край похожей на корнфлекс кости, старик, похоже, даже не заметил. – Он из службы охраны рыболовства и диких животных округа Клементс.

– Где такой?

– Его водительское удостоверение зарегистрировано в Монтане. – Она поддержала бумажник, чтобы тот не ходил ходуном в трясущейся руке Флойда. – Тут же фотографии детей и внуков.

Монтана. Парк-рейнджер. Внезапно Джеймс вспомнил буквы. МПР.

– Далеко он забрался от дома.

Он соединил рукава рубашки на лбу старика, сделал рифмовый узел и затянул концы. Рана обозначилась на ткани тонкой границей сочащейся крови. Выступающий слом кости приподнимал материал, как обломившийся ноготь. Джеймса встревожило, что крови совсем не было, кроме тоненькой струйки за ухом, измазавшей воротник, словно пролитым кофе. В «Основах поведения в чрезвычайных ситуациях» говорится, что крови при ранениях всегда бывает либо намного меньше, либо намного больше, чем ожидается. В этом смысле смертельные травмы проявляются странно.

«Господи, как плохо, что я не врач»!

Джеймс попытался убедить себя, что это совершенно не важно. И в любом случае поздно. Рана в черепе Глена столько времени подвергалась воздействию внешней среды, что хирургу, чтобы убрать из нее весь мусор, потребуется пылесос.

– Я ехал по скоростной автостраде, – произнес Глен.

Джеймс замер, Эль тоже. Старик облизал губы и прищурился:

– Я вижу... вижу рядом мужчину. Он в маленьком «субару», одно стекло немного припущено.

Между ними со свистом пронесся порыв ветра.

– У него зачес на лысине. – Раненый улыбнулся, но как-то

неестественно, будто каждая мышца лица действовала сама по себе. Так дети позируют фотографам – одни сплошные зубы, никаких глаз, точно мумии с туго натянутой кожей. – Ветер сорвал его длинные волосы с головы, а он так увлекся рулежкой, что не заметил, и они метались по салону, как ондатра в ловушке. Просто развевались во все стороны. – Он дважды хрипло хохотнул и покрутил пальцем. – В тот день я тоже решил прикрыть себе лысину. Как у того парня.

– В какой день это было? – спросила Эль, надеясь хоть что-то прояснить.

Глаза Глена затуманились.

– Не помню.

– Но сам случай запомнили.

– Во мне вот такая штука, – тяжело выговорил старик. – Словно... трение разных мыслей. Я не знаю, чьи они.

– Мы вам обязательно поможем!

По этой дороге проезжают три машины в день, вспомнил Джеймс. Он прикидывал, сумеют ли они протопать вверх по склону к тому месту на шоссе, где начинался объезд оползня. Расстояние не менее трех миль, а путь на подъем по каменистому предгорью. Потом еще шесть или семь миль до бензоколонки в Мосби. Пешком до темноты не одолеть. Плохи дела. Наверное, нужно идти, пока не появится мобильная сеть. В его телефоне осталась четверть заряда батареи, но Эль заряжала свой прошлым вечером в мотеле.

Что бы они ни выбрали, на все потребуется время, но

сколько его осталось у Глена? Можно было бы захватить несколько бутылок воды и поспешить вперед одному, однако Джеймсу была невыносима мысль оставлять во впадине Глена и особенно Эль. В этом месте было что-то от чистилища: горизонт наподобие стенок аквариума, суровость открытого пространства и неба. Пребывание здесь сродни судилищу. Солнце – прожектор. И он на всеобщем обозрении на сцене.

– Возьми побольше воды, – тихо произнес он. – Солнцезащитный крем, все, что может понадобиться в течение нескольких часов. Тут ждать нечего. Оставляем машину и все вместе будем выбираться на шоссе. Дальше в Мосби.

Эль, к его удивлению, согласилась.

– Все что угодно, только бы убраться отсюда!

– Да.

Джеймс вспомнил, что за указателем объезда не заметил никакого оползня. Шоссе изгибалось за преграждающими путь оранжевыми бочонками. Конечно, паранойя подозревать во всем сионистский заговор... А если на дороге нет никакого оползня? Если указатель объезда – уловка, чтобы направить их сюда к несчастному мистеру Флойду?

По спине пробежал холодок и поднялся между лопаток. Если указатель объезда – уловка, то она отлично сработала. Парочку либералов из Калифорнии загнали в глушь на красные камни, в прерию под враждебным солнцем, где растут колючие растения и обитают существа с зубами и жалами. Соленый ветер разносит песок. Ни телефонов, ни оружия. А

оба сотрудника местного отделения шерифа заняты другими вопросами – пытаются заманить на службу девятнадцатилетних. Встретить же здесь машину – недобрый знак, поскольку, согласно статистике «косолапного» полицейского, за рулем скорее всего окажется тот, кто проделал дыру в голове Глена.

Поэтому, слава богу, им до сих пор никто не попался.

Эль похлопала Джеймса по плечу:

– Приближается автомобиль. Едет быстро.

Глава 4

Джеймс увидел машину, похожую на красную «акуру». Что-то спортивное, низкое, ослепительно сверкая и урча, поднималось в их сторону из темной середины долины. За ней следовал петушиный хвост поднятой в воздух пыли. Джеймс знал: это либо очень хорошо, либо очень плохо. Никакой середины.

Глен сидел, скрестив ноги и глядя себе между колен. Он впал в беспокойный транс – не бодрствовал и не спал. На самодельной повязке проступило красное пятно размером с кулак. Испугавшись, что он тихо умирает, Джеймс нажал ему на ключицу, и старик болезненно заворчал. Джеймс повернулся к жене:

– Это ведь кто-то сделал. Пуля или нечто иное – дело рук человека.

– А вокруг на многие мили ни души.

– Кроме этого автомобиля.

Джеймс достал из заднего кармана многолезвийный нож – корейскую подделку американской фирмы «Лизерман», подарок к прошлогодней покупке горных ботинок. Открыл и выставил лезвие между большим и указательным пальцами. Хрупкое средство для очистки овощей длиной два дюйма, но у пацифиста Джеймса ничего более похожего на оружие не было. Он проверил острие большим пальцем, надавил по-

сильнее, но кожу так и не проколол. И вздохнул, понимая, что не готов к серьезным событиям.

– Я считала, ты оптимист, – сказала жена.

– Так и есть.

Она ответила вымученной улыбкой. Джеймс хотел поцеловать ее, но не стал. «Акура» приблизилась на двести ярдов. Мотор ревел. Яркие солнечные блики плясали на тонированном ветровом стекле, и Джеймс разглядел на фоне поднятой пыли лишь общий абрис салона с пассажирами. По крайней мере, две головы, а может, три или четыре. Внутри у него похолодело.

– Советский ковбой. – Эль опять провела рукой по волосам.

– Не его машина.

– Связался с кем-то по рации...

Что-то захлопало неподалеку от них, словно на плиточный пол шлепнули тряпку. Эль подскочила и вскрикнула. Джеймс посмотрел на низкорослый кустарник вдоль дороги и заметил маленький трепещущий желтый флажок на проволочном флагштоке высотой двенадцать дюймов.

– Это еще что такое? – воскликнул он.

Она показала вдоль Тенистого спуска. Примерно через каждые пятьдесят ярдов его обозначали маленькие желтые флажки. Некоторые шелестели и хлопали на ветру, другие спокойно висели. Вроде тех, что на поле для гольфа. Раньше он этого не заметил. Джеймс опять почувствовал, будто он

на сцене, ослепленный Божьим софитом в миллионы ватт. Мир внезапно стал для него чужим, и вместе с приступом паники возник вопрос: куда же нас занесло?

Эль пожала плечами:

– Насколько хватает глаз, флажки стоят по обеим сторонам дороги.

– Зачем?

Она развела руками.

«Акура» была совсем близко, мотор взревел сильнее, раздался звук переключения передач. Джеймс разглядел подпрыгивающие в неслышном разговоре три головы. Три лучше четырех, отметил он. Взвизгнули тормоза, покрышки вырыли борозды в земле, облако пыли накрыло автомобиль и понеслось дальше.

– Встань за мной, – велел жене Джеймс, словно это могло кого-то спасти.

Она послушалась, сжала его руку и тихо, словно шорох травы на ветру, прошептала:

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю.

– И так много, так много любовников...

Хрустнули последние камешки, и «аккура» замерла, чуть накренившись в сторону востока, наполовину съехав с колеи. Боковые стекла не пропускали света, но за ветровым обозначилось движение: водитель что-то кричал и указывал пальцем.

– Видимо, спорят по нашему поводу, – предположил Джеймс.

Эль промолчала.

В голове мелькнула мысль: а если эти люди собирались убить Глена, выстрелили ему в голову, приняли за мертвого, а через несколько часов вернулись и обнаружили, что он жив и на ногах. Да еще с идиотами-супругами, остановившимися оказать помощь. Теперь у них еще два свидетеля, и их необходимо убрать. Они в бешенстве, ругаются между собой. Джеймс сообразил, что сам во всем виноват: вовлек жену в ситуацию, из которой не способен выпутаться. В ушах снова зазвучали слова отца: «Будь вежлив, обходителен, но планируй убить всех и каждого, кого...»

Водительская дверца с треском распахнулась. Секунду-другую вопил трэш-металл, затем водитель ткнул в кнопку «стоп» своего плеера. Вылез из машины и замер, уперев руки в бока, волосы под поношенной кепкой клуба лос-анжелесских «Лейкерс» сбились комом. Он был широк в плечах, грудь колесом, с прищуром задиры, в черной футболке с надписью: «Я вас всех имел!»

Тишина.

– Спасибо, что остановились. – Задыхнувшийся от каменной пыли Джеймс понял, что если бы этот герой собирался их убить, он бы уже принялся за дело. – С нами раненый, он нуждается...

– Я остановился не ради вас, – заявил водитель.

– Что?

Скрипнув, открылась пассажирская дверца, из салона вышла девушка лет двадцати с волосами цвета темного меда. Она повесила на плечо сумку, в которой свободно бы уместился автомобильный аккумулятор. Зато из одежды на ней было совсем немного.

– Оставайся в машине! – рявкнул водитель.

– Мне нужно размять ноги.

– Я сказал, сиди в машине с сестрой, Сара. – Он вытер нос и при этом продемонстрировал татуировку льва на внутренней стороне бицепса. – Мы не знаем этих людей...

– В таком случае зачем вы остановились? – спросил Джеймс.

Водитель нагнулся в салон и дернул тросик замка капота.

– Так зачем вы остановились?

– В тот момент, когда я увидел вашу троицу... – Водитель облизал обветренные губы и приблизился к «акуре». У него была своеобразная речь, особенный деревенский выговор. Он произносил слова одновременно слишком быстро и слишком медленно, будто пытался воспроизвести манеру Клинта Иствуда. – Когда я поднялся на холм и оказался от вас в сотне футов, то потерял управление и стал перегреваться. Такое впечатление, что полетел ремень. – Словно выбрав момент, машина выплюнула облако белого дыма.

У Эль округлились глаза. Неужели? Джеймс посмотрел поверх ее плеча на свою «тойоту», на то, что в суматохе рань-

ше не заметил. Десять минут назад, когда он с глупым видом таращился на истекающий жидкостями мотор, он стоял вплотную к бамперу. Теперь же с расстояния разглядел на решетке радиатора две отметины другого цвета. Прячущиеся в тени дырочки размером с десятицентовую монету. И третью, на нижней кромке бампера, где остались зазубренные края алюминия. Похоже на...

– Нас обстреляли. – Он произнес это бесстрастно, будто пошутил.

Водитель моргнул.

Девушка Сара, казалось, хотела что-то сказать, но вдруг ее лицо исказилось, словно надулись щечные мешки бурундучка, и она извергла сквозь зубы горячую кровь.

Тэпп передернул затвор, выбросив золотистую гильзу. Вверх, назад, вперед, вниз, подал новый патрон в патронник и запер затвор. Плавное действие было еще безукоризненнее, благодаря совершенству лишенной трения конструкции и десятилетиям мускульной памяти. Иногда он тренировался с воображаемым затвором во сне.

Тэпп провел языком по коренным зубам и сделал очередной отмеренный вдох, каждый из которых отмечался в его подсознании. На каждый вдох приходилось ровно двенадцать ударов сердца. Уильям Тэпп прекрасно знал свой часовой механизм: между ударами сердца во время естественной респираторной паузы наступал золотой период покоя, и

в эти мгновения его сверхчеловеческий дар, помимо нервов и мускулов, давил на спусковой крючок. Говоря словами пораженного свидетеля из гравийного карьера в Вайоминге, он просто заставляет пулю лететь.

Он демон, этот Уильям Тэпп.

Тэпп пользовался винтовкой финского производства, приспособленной под признанный во всем мире эффективным патрон лапуа «магнум-338». Оливковый композитный приклад. Затвор и ствольная коробка черные, кованые. Поворот затвора на шестьдесят градусов, движения плавные. Свободно вывешенный, хромированный ствол. Спусковой крючок с двойной ступенью хода, регулируемый по длине и углу наклона. Магазин на десять патронов, снаряжаемый боеприпасами собственного изготовления, размером с сигару, блестящими на солнце, как ракеты. Над всем этим возвышался луковицеобразный оптический прицел; такое затемненное, маслянистое на вид стекло было бы достойно любой обсерватории НАСА.

Инструменты аккуратно разложены вокруг. Справа на треноге оптическая труба, портативный баллистический компьютер, везерометр и блокнот с прищипленным механическим карандашом. Слева лазерный дальномер, два полных, аккуратно сложенных рифленых магазина и шесть запасных коробок с самостоятельно снаряженными патронами в скелетообразных прозрачных лентах. За спиной полуприсыпанный комплект на непредвиденный случай с запас-

ной оптикой, блестящим пистолетом с патронами кольцевого воспламенения. И конечно, кофр с едой и энергетическими напитками.

Сначала он решил, что промахнулся.

Потаскушка Макги³ в прицеле покачнулась, едва заметно дернулась, словно ее юбку поколебал порыв ветра. В немом смущении посмотрела туда-сюда, а остальные прекратили разговор и повернулись к ней. Тихое жужжание она, наверное, приняла за полет шмеля, невинно упавшего в двадцати метрах дальше по дороге.

«Я промахнулся...»

Сердце сдавило. Тэпп опустил голову и со свистом выпустил воздух через две дыры в передних зубах. Свалить не на что – ни на ветер, ни на изменение скорости цели. Мазок – ясно как Божий день – и при том позорный, поскольку девушка стояла неподвижно. Большинство целей на официальных соревнованиях меньше, чем эта глупая стерва. Он должен был попасть в нее с закрытыми глазами и не из снайперской винтовки, а из рогатки. Первый легкий, по его меркам, выстрел за день, и он дал маху.

Потаскушка Макги повалилась, и Тэпп вздохнул с облегчением. Ударилась о землю и осталась лежать в позе зародыша. Грохнулась посередине дороги между желтой «тойотой» и красной «акурой», и Тэпп различил расплзающийся под ней темный язычок. Судя по тому, за что она схватилась ру-

---

³ Персонаж компьютерной игры.

ками – почему они все так делают? – он угодил чуть ниже и правее желудка. Роковое попадание для внутренних органов и кровеносной системы, можно сказать, выворот кишок (ха!). Кто это сказал, что каламбуры – низшая форма юмора?

«Так я попал?» Попал.

Остальные смотрели, разинув от ужаса рты – в безмолвной панике, оцепенело отступив, сжав кулаки. Замысловатые механизмы человеческого организма выворачивались наизнанку и выплескивались наружу – дрожью, потливостью, внезапной слабостью. Обычная реакция – на нее-то и рассчитывал Тэпп – давала время подготовиться к следующему выстрелу.

Четыре цели. Точнее, четыре с половиной, с учетом паркрейнджера из Монтаны. С кого начать?

Тэпп выбрал брюнетку из «тойоты» и взял в перекрестье прицела. Она стояла в нескольких шагах от моторного отсека машины рядом с мужем, держа его под руку. Тэпп подумал, что если угодит ей в корпус, то раскинет широкий красный покров на весь капот и решетку радиатора. Это всегда приятно. Ничего нет лучше вида вывалившихся внутренностей Джона Кеннеди после попадания в спину...

Они побежали.

Ничего страшного. Тэпп повел прицелом вслед за ними...

Но не просто побежали. Бегут все. Никто не выдерживает. Но не так, как эти – с ясным сознанием того, что делают.

Муж с женой повернули к желтой «тойоте»; женщина,

словно бегунья через барьер, перепрыгнула через капот и, кувыркнувшись, скрылась за автомобилем. Оба оказались вне зоны видимости, прижавшись к корпусу под пологом кремовой пыли. Тэпп посмотрел влево: болельщик «Лейкерс» был около «акуры» и тащил из нее уцелевшую девушку. Та успела перебраться с заднего сиденья и находилась у водительской дверцы, где Тэпп ее не видел.

Все четверо прятались за своими машинами. Завеса пыли становилась плотнее.

«Они поняли, откуда я стреляю». Тэпп моргнул, и ресницы мазнули по резиновому наглазнику оптики. Накатил новый приступ стыда, но он себя успокоил. В конце концов, он все сделал правильно. Кто-то из компании обратил внимание, где находились входное и выходное отверстия пули на теле шлюшки Макги, и догадался, с какой стороны она прилетела. Не велика хитрость. Любой на это способен.

«Я в порядке?»

Он был в полном порядке. Надо продолжать стрелять.

«Я великолепен, – сказал он себе. – Сегодня великий день. Прекрасные выстрелы».

Тэпп дотронулся языком до glands, где горькие крупинки от прошлой еды иногда скапливаются в виде вкусных кристалликов. Сегодняшним коронным блюдом на завтрак был поперченный омлет, который он заел остатком «Читос». Когда Тэпп в первый раз попробовал такие крупинки, они показались ему гниlostными. Но если что-то делать регуляр-

но, можно привить себе к этому вкус, и со временем возникает желание все повторить.

Тэпп принял стрелковую позу, отметив, что способность сохранять священную драгоценную неподвижность характеризует личность его калибра (ха!). И со звуком, подобным выдоху самой земли, всадил вторую тяжелую пулю в мотор «акуры». Для верности.

«Да, я великолепен».

Он убьет их всех.

Глава 5

Джеймс услышал звонкий удар о металл. Вот оно. Так он вывел из строя машины. И снова выстрелил в мотор.

– Я не слышала звука выстрела, – прошептала рядом с ним Эль.

– Не было выстрелов. – Слова застряли у него в горле. – Мы не слышали выстрелов, потому что... я не знаю почему.

– Глушитель?

– Не высовывайся.

– Может, он стреляет с глушителем?

– Понятия не имею.

– С какой стати стрелку понадобилось прятаться? – Эль спряталась за задним колесом, и гравий захрустел под ней, как попкорн. – На многие мили вокруг только пустыня.

– Значит, он очень далеко от нас.

– Насколько далеко?

– Настолько, чтобы до нас не долетал звук выстрела.

– Подобное невозможно. – Джеймс пожал плечами.

– В таком случае он там. – Эль показала вверх капота «тойоты» примерно на тридцать градусов правее Тенистого спуска. Такой угол и то, как Джеймс остановил машину, слегка повернув влево, обеспечивал их визуальной защитой почти на всю длину кузова. – И мы знаем, что он стреляет оттуда.

– Да.

– Ясно. – Она сглотнула ком в горле. – Но что произойдет, если он сменит позицию?

Джеймс вздохнул. Жена, конечно, права. При такой траектории они под защитой, но стрелок может переместиться вправо или влево. Вероятно, уже идет, а они узнают об этом, лишь когда кто-нибудь из них буквально упадет замертво.

– Сара! – крикнул водитель «акуры». – Ты как?

Сара дышала часто и неглубоко. Она кашлянула, и в ее кашле чувствовалась мокрота.

Эль побледнела:

– Она еще жива?

Джеймс распластался на животе и, прижавшись щекой к нагретой земле, посмотрел под днище. Сара лежала на боку посреди дороги, к ним спиной. Обе ладони крепко прижаты к животу на уровне почки. Ее белая футболка превратилась в ярко-красную, юбка почернела. Под ней на песке расплылась темная лужица. Как пятно нефти на берегу. Она судорожно колотила ногами, вырывая в дороге борозды. Что-то кричала.

– Господи! – Эль зажала руками рот. – Проклятие! Проклятие! Проклятие!

Джеймс вспомнил о старике.

– А где Глен?

– Не знаю.

В следующую секунду Джеймс увидел его – коричневые

ботинки, косо топающие вниз по склону мимо «акуры». Угол обзора не позволял поднять голову выше его пояса. Но ноги в джинсовке передвигались неспешно, спокойно, и было ясно, что человек не сознает, что за его спиной умирает девушка. Затем старик повернулся и направился на подъем. Новый поворот – и так до бесконечности. Будто сломанная игрушка, он не мог вернуться на прежнюю прямую.

– Сара! – крикнула из-за «акуры» уцелевшая девушка, возможно, сестра раненой. – Сара, ползи к нам с Роем. Ползи сюда.

Сара перевернулась на живот. К ее спине прилипли пропитанные кровью комья земли. Стало видно выходное отверстие пули над левым бедром – рваный цветок искромсанной плоти размером с ладонь и поперек обескровленный лоскут кожи, завернутый между передними ногами изображающей единорога татуировки, расположенной выше под юбкой.

– О! – Эль отвернулась.

– Все будет хорошо. – Водитель «акуры» Рой втянул воздух, и его голос дрогнул. Лгать он не умел, а со своей точки не видел даже выходного отверстия пули. – Я тебя люблю. Ты поправишься. Ползи ко мне.

Сара распласталась на дороге, неловко раскинув ноги. До «акуры» было десять, может, пятнадцать футов. Ее короткая юбка задралась, Джеймсу стало за нее неудобно, и он потупил взор.

– Не могу, – простонала она сквозь слезы. – Не могу.

Он слышал, как за его спиной натужно давилась Эль. Потом до него донеслись звуки рвоты.

– Я сейчас, крошка. – Голос Роя изменил тон, похоже, он поднимался на четвереньки. – Я тебе помогу.

Она приманка, догадался Джеймс. Убийца пользуется раненой как приманкой. Сейчас все за укрытиями, спрятались, и получилась патовая ситуация. Рассуждая логически, убийце остается одно из двух. Сменить позицию и стрелять под более выгодным углом или наблюдать за ними сквозь свое гнутое стекло, держа палец на спуске, и ждать, когда кто-нибудь покажется. Вероятно, он и ранил Сару специально, с этой целью, чтобы на звук ее стонов выманить из укрытия друзей и родных. Джеймса потрясла гнусность замысла.

Кому все это нужно?

Он не стал размышлять над этим. Не время. Необходимо остановить кровотечение Сары. В человеческом теле содержится почти шесть литров крови, и, по крайней мере, два из них уже вылились из нее на Тенистый спуск. С такой дырой в боку она будет терять по литру в минуту. Джеймса обескуражили размеры отверстия. В руководстве по оказанию первой помощи он видел фотографию полицейского, изрешеченного из «АК-47» во время перестрелки 1994 года. Выходное отверстие раны в плече было размером с мячик для гольфа. У Сары – Господи! – по крайней мере, в два раза больше.

«Из какого оружия в нас палят?»

Джеймс снова себя оборвал. Не время.

– Сара, положите правую ладонь на правое бедро. Левую – на левое. Зажмите обе раны и крепко надавите.

Она послушалась. Ее грудь поднималась и опускалась.

Зашевелился Рой. Ботинок заскреб по земле, рука скользнула по металлу кузова «акуры».

– Я иду за ней, я ее вытащу.

– Не делайте этого, – предупредил Джеймс.

– Что?

– Он только этого и ждет. Надо все обдумать.

– Пошел ты! Она моя невеста!

– Он ее использует! – Джеймс крикнул громче, чем хотел, и его голос заухал в плотном воздухе. – Использует, как Глена, чтобы добраться до нас. Сейчас ему в нас не попасть. Ваша невеста ему нужна, чтобы выманить нас из укрытий. Судя по тому, что мы все оказались в его ловушке, этот тип с головой. Стоит вам попробовать добраться до раненой, и вы непременно умрете.

Рой молчал, а затем спросил:

– Ты морпех?

– Я... продаю рекламу на радио.

– Для морпехов?

– Нет.

– Тогда почему я должен тебя слушать?

– Можете поступить, как он предполагает – и умереть. –

Унимая дробь зубов, Джеймс погрузил руку в красную землю. – Или лучше придумаем план. Обманный маневр.

– Например?

– Кто-нибудь очень быстро поднимется.

– Потрясающе! Предлагаю тебя.

Теперь Сара смотрела на Джеймса, хотя он предпочел бы, чтобы она отвернулась. Глаза в слезах. Рот открывался и закрывался, как у выброшенной на сушу золотой рыбки, на губах надувались кровавые пузыри. Он с облегчением заметил, что Сара крепко зажала обе раны, однако тоненькая струйка продолжала сочиться между пальцами. Еще несколько минут она останется в сознании – довольно времени, чтобы придумать, как добраться до нее или вытащить из-под огня к ним.

А потом? Джеймс не хотел заглядывать настолько далеко.

– Замрите и оставайтесь на месте, – сказал он ей. – Я вам помогу. Обещаю.

Сара кивнула, и по ее щеке поползла кровавая жижа.

– Если я умру... – Девушка выплюнула изо рта кровь, и та повисла на губах тягучими нитями. – Не могу умереть, иначе все, что я наговорила матери, станет нашими последними словами. Нельзя, чтобы мы так расстались. Я обозвала ее... Сказала кучу всяких гадостей.

Джеймс пожалел, что дал обещание.

– Прежде чем мы что-либо предпримем...

Горло перехватило, и он повысил голос, чтобы слышали все. Джеймс не был оратором. Не любил говорить на публику. И ему не понравилось, как его голос прозвучал на откры-

том воздухе. Но все ждали, чтобы он нарушил молчание. Был бы тут кто-нибудь другой – сообразительнее, круче, спокойнее – и взял бы на себя ответственность. В этот день его уже так много напугало. И командовать этой маленькой группой по выживанию было, безусловно, в первой тройке списка.

Все молчали. Налетел ветер, и снова стало тихо. Джеймс выдохнул и продолжил:

– Прежде чем мы что-либо предпримем, нужно точно определить, где находится стрелок. На каком расстоянии от нас.

Эль вытерла губы и посмотрела на него.

– Каким образом? – усмехнулся Рой.

Тэпп заметил, как из-за капота «тойоты» высунулась рука и ударила осколком камня по зеркальцу заднего обзора с водительской стороны. Два беззвучных удара согнули его и устроили сверкающий душ. Затем рука исчезла.

«Понадобились осколки зеркальца, чтобы наблюдать поверхность машины». Тэпп провел языком по щетинистой верхней губе и ощутил вкус «Читос». Он прильнул к зрительной трубе. Телескоп на штативе был настроен на стократное увеличение, с помощью такого можно на расстоянии сотни метров читать газету. Невероятная картинка. Тэпп реально ощутил пыльный капот «тойоты», разогретый солнцем до жара печи, и пористую структуру вулканического камня. Почуял за-

пах пота панически напуганных людей, медный привкус вытекающей и засыхающей крови, услышал ругательства, рыдания, бессмысленные споры, суматошные возгласы, обоюдные обвинения. Мощная оптика позволяла ему находиться в центре событий, затаив дыхание окунаться с головой в каждую мельчайшую деталь. Происходящее, как в видеоигре, послушно подчинялось его воле. В мире увеличительных стекол все было тщательно организовано ради удовольствия Уильяма Тэппа, он был здесь богом. Семьдесят четвертую кукурузную палочку Тэпп высосал из пачки одними губами.

Сейчас этому богу нужно куда-нибудь пальнуть.

Он перекатился обратно к винтовке и обвился вокруг нее. Правой рукой сжал теплый полимер, левый кулак сомкнул под цевьем и поймал в тонкое перекрестье прицела паркейнджера из Монтаны. Получив по касательной в череп тяжелую пулю, этот тип все еще был на ногах, наполовину в сознании и выписывал пьяные восьмерки в нескольких метрах от двух машин. Ходячее привидение.

Несколько лет назад Тэпп всадил в приезжего из Портленда пулю в оболочке малоимпульсного натовского патрона калибра 5.56. В водительском удостоверении бродяги было сказано: «Малтон Чанго» или какой-то похожий бред. Как правило, чем заковыристее фамилия жертвы, тем экзотичнее его предсмертная агония. И черт его побери, если тот выстрел не произвел должного эффекта. В общем, парень умер мгновенно, однако его нервная система взрывным об-

разом активизировалась. Он пробежал несколько шагов назад и дважды перекувыркнулся прежде, чем в туче пыли прерии грохнуться в куст, где еще, как ненормальный, бился целых пятнадцать минут. Танец маленьких утят в исполнении трупа. Тэпп смеялся до спазма в горле – в итоге, не в состоянии хохотать, как девчонка, по-пороссячи визжал. Но по прошествии времени тот случай стал волновать его. Он не понимал почему – словно перешел какую-то черту, о которой не имел представления.

Этот недобитый парк-рейнджер тоже его смущал. С какой стати? Тэпп понятия не имел. Порой выстрел может оказаться каким-то примитивным – это был, видимо, тот самый случай. Ведь человеческое тело – бесконечный источник анекдотов, в которых его разрывают, давят, взрывают и выворачивают наизнанку. Далеко не все они удачные.

*Слышали о парне, которому оторвало всю правую часть?
С ним все в порядке, всю ходит налево.*

Тэпп положил указательный палец на изгиб спускового крючка – движение, которое за свои пятьдесят шесть лет он проделывал, наверное, сто миллионов раз. Управление спуском, плавный нажим – основа искусства меткой стрельбы. Спросите кого угодно. Надо нажимать и ни в коем случае не тянуть. И нажимать с такой постепенностью, чтобы выстрел удивил самого стрелка. В противном случае тело в ожидании отдачи бессознательно дернется, и в те решающие мгновения, когда пуля с бешеной скоростью несется в канале ство-

ла, даже легкая дрожь руки погубит выстрел. Снайпер понимает: хороший выстрел, как гром среди ясного неба, должен стать неожиданным не только для цели, но и для стрелка.

Я делаю это ради стрельбы, а не ради их боли.

Их боль мне не доставляет удовольствия.

Их боль только требуется для моей стрельбы.

Тэпп замер в состоянии покоя тихой запруды и, нажимая на спусковой крючок и вспоминая свои рассуждения о прошлой жестокости, понял, что выстрел в мистера Флойда, наверное, самый искренний жест доброй воли по отношению к человеку. Ему стало приятно.

Механизм сработал чисто. И от этого ему сделалось еще приятнее.

Эль услышала сырой шлепок, будто в стену запустили оковалком мяса; куртка Глена Флойда колыхнулась чуть выше поясицы, и он, переломившись, осел на землю, будто невидимые ножницы перерезали его спинной мозг. Ни крови, ни боли, почти беззвучное милосердное избавление от кошмарного бдения. Проблемы Флойда наконец остались позади, и Эль ему немного позавидовала. Она сидела, положив под себя руки, спиной к задней панели «тойоты», держа ноги в спасительной тени машины. Хотелось пить. Контактные линзы пересохли от набившегося под веки песка, и при каждом моргании саднило глаза. От горячего воздуха жгло в горле, словно она, наклонившись над печной топкой, с силой

вдыхала жар. Желудок так и не успокоился, и в неподвижном воздухе тянуло рвотными массами. Запах был похож на соленую китайскую еду.

Вздохнул Глен. По-детски, разочарованно. Звук напомнил ей реакцию Джеймса, когда тот проигрывал в споре. Схожесть услышанного на мгновение успокоила ее, но Эль тут же поняла, что это из умирающих легких Глена вышел воздух.

Один-один-тысяча.

Сама не зная почему, она начала считать.

Два-один-тысяча.

Затем до нее дошло: она считала потому, что ее больше здесь не было. На этом богом забытом лоскутке выжженной земли, пригвожденной к камню и металлу невидимым взглядом. Не было в Мохаве. Не было даже в этом дерьмовом году.

А находилась она под горячим ночным небом на крыше оштукатуренного многоквартирного дома «Капризная свинка» – первого жилища, где они с Джеймсом поселились вместе. Ночные электрические буйства в южном Кали были яркими, но без дождей, и они с Джеймсом поднимались на красную черепичную крышу по треснувшей водосточной трубе рядом с их кухонным окном и, прикрытые лишь одеялом, смотрели, как раскаляется небо.

Три-один-тысяча.

Каждая молния запускала отсчет секунд. Одни вспыхивали на мгновение, другие длились дольше, скользя потрес-

кивающей проволокой от одного края горизонта к другому. Некоторые, подобно рождественской иллюминации, рисовали на небе узоры. Если молния вспыхивала близко, Эль вздрагивала в объятиях Джеймса.

– Я занимался этим мальчишкой, – рассказывал он. – После вспышки надо считать до тех пор, пока не услышишь гром.

– Давай.

Джеймс шевельнулся и коснулся ногой ее бедра, что Эль по-прежнему смущало. Случайно задел локтем ее сладкое «сучье варево»; бутылочка скользнула по водостоку и разбилась на теннисном корте тремя этажами ниже.

– Ничего страшного, – хихикнула Эль, – там не ведьмино зелье, а обыкновенный арбуз.

Четыре-один-тысяча.

– Когда услышишь гром, раздели общее количество секунд на пять. – Очередная молния окрасила небо в пурпурный цвет, и Джеймс сцепил свои пальцы с ее. – Свет молнии достигает глаз мгновенно, а звуку грома требуется пять секунд, чтобы преодолеть милю. Таким образом, полученное число и будет расстоянием до того места, где ударила молния.

– Получается триста ярдов в секунду, – подсчитала Эль.

– Приблизительно.

– Серьезно? Три футбольных поля.

– Да.

– Трудно поверить, что звук распространяется так медленно.

– Сначала пукнешь, потом услышишь.

Эль в шутку шлепнула его по щеке.

Пять-один-тысяча.

И вот в Мохаве, в этот проклятый день, Эль Эверсман услышала гром. Глухой, неестественный, он прокатился по впадине, как волна, натываясь на скалы, рассыпался на камнях, в кустарнике и на капоте «тойоты», а затем отхлынул обратно. Может, это пассажирский лайнер утюжил облака на большой высоте, сорвался валун или в дальних отрогах прошумел ветер. Больше никто не различил слабого, искаженного звука выстрела.

Пять секунд.

Одна миля.

– Он в миле от нас?

– Да.

– Ты уверена?

Джеймс держал самый большой треугольный осколок бокового зеркала «тойоты» три дюйма в поперечнике, изящно зажав его между большим и указательным пальцами. Затем медленно, как крадется лед вниз по склону горы, выставил маленький фрагмент над капотом «тойоты» и, опустив голову на уровень верхнего края шины, регулировал до тех пор, пока в пальцах не оказался зазубренный край кратера.

Импровизированный перископ готов.

– Я слышала выстрел, – произнесла Эль. – Через пять секунд он убил Глена.

– Глен убит?

Она показала на склон, где в двадцати ярдах на дороге лицом вниз лежал мертвый. Джеймс смахнул с глаз песок и ждал, когда на него накатят эмоции – страх, потрясение, ярость, сожаление, однако ничего не происходило. Ничто не менялось, он абсолютно ничего не чувствовал. Глен умер, они пока живы – вот и весь расклад. Джеймс попытался вспомнить водительское удостоверение покойного, цвет его глаз, странный рассказ о шофере с зачесом на лысину – что-нибудь весомое, за что зацепиться, но так и не сумел. И встревожился, обнаружив, что смерть человека его почти не тронула.

Эль стиснула зубы.

– Покойся с миром, Глен.

Джеймс кивнул.

– Чем быстрее мы обнаружим, где находится стрелок, тем скорее сообразим, как нам действовать. – Он зафиксировал в зеркальце северную часть хребта. – Если убийца собирается поменять позицию и стрелять в нас под другими углом, надо, изучив местность, попытаться понять, в какую сторону он направится.

Противоположную часть дьявольской долины придется осматривать трехмерными участками. Джеймс медленно по-

ворачивал в пальцах блестящий осколок, складывая панораму с востока на запад. Каждая точка потребует нескольких секунд, потому что где-то там среди отбеленных камней и вспученной земли, среди груд осыпей и эрозийных овражков, в этом бесформенном сейсмическом буйстве за оптикой прицела прячется глаз и следит за ним. И оттуда в него нацелено супермощное оружие.

– Миля, – произнесла Эль.

– Я понял.

– Это шестнадцать футбольных полей.

– Может, ты неправильно разделила на пять?

За глазами синусоидой пульсировала боль. От слепящего света голова раскалывалась, словно с похмелья. Джеймс принуждал себя рассматривать детали, изучать каждое скопление теней, любой клочок ползучих кустарников, но мозг не слушался. Он даже едва различал испещрившие видимый горизонт темные кляксы, но знал, что это бродячие духи пустыни – пальмы юкка. В Мосби Джеймс заметил, что эти искривленные гиганты вдвое выше человеческого роста, но почти не мог распознать их среди смазанных красок земли. Кто способен увидеть за милю человека ростом шесть футов даже в идеальных условиях?

Джеймс понимал: то, чем он занимается, – потеря времени. Убийца не будет стоять. Он сядет или ляжет на живот.

Дистанция в милю. Это:

1. 760 ярдов.

5. 280 футов.

И очень много дюймов.

Все равно что играть в «Где Уолли?» Только Уолли в их случае – винтовка.

Глаза отказывались фокусироваться. Не за горами приступ стенокардии – избалованный кондиционером в машине, Джеймс с утра ничего непил. И даже тогда – диетическую коку из торгового автомата эпохи Рейгана в Музее смерти. Искусственный заменитель сахара с содой.

– Как у нас с водой? – спросил он, чувствуя, как прилипает к нёбу язык.

– Сейчас проверю.

Эль зашевелилась и подползла к багажнику «тойоты», где они держали купленную в сети «Костко» упаковку из сорока восьми бутылок. Оставалось надеяться, что до нее можно добраться под другими контейнерами. Джеймс не помнил, куда он ее поставил. Они загружали багажник в субботу вечером, когда в небе собирались пушистые багровые облака, но теперь казалось, будто с тех пор миновали недели.

Под коленями жены посыпались камешки, и он вздрогнул.

– Пригибайся! Не поднимайся выше уровня окон, иначе он тебя увидит.

– Знаю.

– И не высовывайся из-за кузова. Он под углом к дороге примерно в тридцать градусов.

– Рывины.

– Что?

– Мы думали, что гремит по ухабам подвеска. – Эль открыла дверцу багажника, и она привычно два раза скрипнула. – Я о тех стуках, которые мы слышали, когда ехали к Глену. Это были выстрелы снайпера в наш мотор.

– Вероятно, ты права.

А лучше бы ошибалась, подумал Джеймс и, повернув зеркальце на миллиметр влево, заметил на краю скалы рукотворное строение. Белого цвета. По размерам – домик в одну комнату, но не мог различить ни окон, ни дверей. Джеймс прищурился, превращая мир в картину маслом, однако ничего больше не рассмотрел.

– Вижу дом. – Зеркальце чуть не выскользнуло из его потных пальцев. – Или навес. Не исключено, что убийца стреляет именно оттуда.

– Точно?

– У меня осколок зеркальца, а не телескоп «Хаббл». – Джеймс слышал стуки и возню в задней части «тойоты»; Эль осматривала запасы воды. – Ради бога, не поднимай голову! – Сдвинулась книжная полка, он ощутил плечом, как машина слегка качнулась на амортизаторах. Его раздражал этот беспечный шум.

– Могу предложить кое-что получше, – заявила жена.

– Например?

Она молчала.

– Что у тебя такого, что лучше зеркальца?

– Упаковка пуста. – Эль пошелестела пластиковой оберткой.

Джеймс вздохнул. Он помнил, что три бутылки минералки стояли в консоли в салоне. Минус одна, которую они отдали Глену.

– Значит, у нас две бутылки на четверых... нет, на пятерых.

– Сколько времени нам тут торчать?

Что-то звонко вцепилось в кузов машины. Звук был такой, словно растянулся до предела трос висячего моста и, не выдержав напряжения, лопнул. Щелчок был отрывистым, как выстрел, но глухим, будто удар бамбуковой палкой. От внезапности и абсурдности происходящего у Джеймса застыла кровь. Жена вскрикнула.

– Эль!

Осколки пластика хрустко засыпали салон. Водительское стекло вылетело из рамы, и на голову и плечи Джеймса обрушился целый дождь. Он дернулся вперед, руки вминали в землю кусочки триплекса. И тут он увидел Эль. Жена ползла со стороны багажника. Глаза расширены, рот широко раскрыт, волосы спутаны, но невредимая. Упала на спину и, придвинувшись к нему, спросила:

– Что это было?

Джеймс заметил повисший на его воротнике кусочек голубого полимера и узнал материал.

Проклятие!

– Что с тобой?

– Это от навигатора.

– Он расстрелял наш навигатор?

– Да.

Эль провела рукой по волосам:

– Зачем?

– Потому что... – Мир качнулся от того невыносимо огромного, что пришло ему в голову. Прижавшись головой к горячей дверце, он посмотрел в небо. Из волос посыпались стекла.

– Зачем, Джеймс?

Он разломил пополам зеркальце, которое держал между пальцами.

– Система глобальной спутниковой навигации включает функцию подачи сигнала SOS. Мы все время могли это сделать.

Глава 6

Вскоре двадцатидвухлетняя Сара потеряла сознание и умерла.

Не думай о ней!

Ее уход не был драматичным, зрелищным или эффектным. Она в очередной раз незаметно вздохнула и больше не дышала. Какие бы жуткие вещи Сара ни наговорила матери, ее слова бесследно канули в Лету. Вот так-то.

Теперь ты не можешь ничем ей помочь.

По прикидкам Джеймса, Сара словила пулю час назад. Его язык прилип к нёбу, словно на застёжке-липучке. Лицо и шея на ощупь были огненно-горячими, и болезненное воображение рисовало, как кожа от солнца постепенно трескается и покрывается волдырями. Слезает, как старая краска с дома. А на более рациональном уровне Джеймс сознавал, что упавшие с обнаженных частей тела капли пота назад не вернуть. Через несколько часов солнце зайдет, но потом вернется. Снайпер же, надо полагать, устроился на куче еды, питья и патронов, снабженный всем необходимым, чтобы их переждать. Через день-другой в пустыне пуля покажется им самым легким выходом.

Это ответ на его вопрос: убийца не будет менять позицию, поскольку в этом нет необходимости. Через несколько заходов и восходов они медленно умрут от обезвоживания или,

доведенные до отчаяния, покинут укрытие и совершат тщетную попытку добежать до северной стены кратера. Им придется преодолеть сотни и сотни ярдов, и мерзавец получит удовольствие, расстреливая их одного за другим.

Джеймс не знал, какая смерть лучше. Хотя в их случае не могло быть «лучше» или «хуже», а только «дерьмово» и еще «дерьмовее». Пока он об этом размышлял, Эль пошевелилась, прижалась, обняла мужа за плечи, уткнулась лицом в его грязную белую рубашку. Снова шмыгнула носом. Джеймс понимал: ей нельзя здесь находиться. У Эль тяжелая жизнь: выкидыши, неудачная карьера, потеря двух горячо любимых домашних питомцев. Он должен любой ценой вытащить ее отсюда. Он взял себя в руки, стараясь свести непомерность кошмара к чему-то меньшему, более простому, поддающемуся восприятию, управляемому.

Считай происходящее головоломкой.

В детстве Джеймс любил головоломки. У него была их целая книга – небольших отдельных ситуационных загадок размером меньше одной-двух страниц. Определялось место, набор предметов, несколько базовых правил и предлагалось сконструировать решение. Во многих ставилась задача выбраться из помещения, откуда не было выхода, или раскрыть нераскрываемое убийство. Они нравились Джеймсу. Ни братьев, ни сестер у него не было, друзьями он не обзавелся, а вот головоломки всегда оставались с ним. Даже после смерти отца, хотя нет – особенно после его смерти.

«Ты скрючился за машиной, – мрачно думал он. – Снайпер в миле на противоположной стороне долины следит за тобой в оптический прицел. Ты устал, хочется пить. Жара ужасная, а у вас всего две бутылки воды на четверых. Мобильник не принимает сигнал сети. Вокруг на сотни ярдов открытая прерия, где не за что спрятаться. Забытая Богом земля. Любая ошибка, нечаянное появление из-за укрытия означает смерть».

Джеймс вздохнул. «И еще этот негодяй расстрелял мой навигатор».

Его тянуло сделать то, что он никогда себе не позволял, – залезть в конец книги и прочитав ответ. Знать, что решение существует, пусть неубедительное и шитое белыми нитками, обнадеживает, но сейчас он был лишен даже этой поддержки. Не исключено, что выпутаться из данной ситуации не в человеческих силах. И что тогда?

– Вы сказали, что что-то придумаете, – раздался голос сестры Сары – высокой сухопарой девушки с крашеными голубыми волосами. Кажется, Эш? Джеймс не разглядел ее, когда она сидела в машине. По ее хрипотце он сообразил, что она плакала, глядя, как истекает кровью сестра.

– Мне очень жаль.

Она шмыгнула носом и, в слезах, произнесла что-то неразборчивое.

Джеймс понимал, что его слова пустые, не подходящие моменту. Неожиданно на него накатила всесокрушающая

волна вины. Почему он ничего не придумал? Не отвлек внимания? Ничего не сумел? Да, вмешался, но, похоже, сделал только хуже. Сам не спас Сару и Роя отговорил. Пусть бы тот попробовал вытащить невесту из-под пуль, если готов был рискнуть. Но ведь Джеймс не сомневался, что снайпер убьет Роя. Разве нет?

Так спас я человеческую жизнь или по моей вине ее отняли?

Сам он ради Эль, не раздумывая, пошел бы на риск. Уволок бы умирающую за машину. Не колебался бы ни секунды. И она бы поступила так же.

А Рою сказал, чтобы тот оставался в укрытии.

Джеймс почувствовал дурноту; живот подводило, содержимое желудка просилось наружу. Рядом с его плечом стучала зубами Эль. Она снова хлопнула носом – сдерживалась, чтобы не расплакаться. Жена не любила, чтобы другие видели, как она плачет.

– Мерзавец ты, Джеймс! – крикнул Рой. Его голос дрожал от ярости. – Обещал, что что-то придумаешь. Я поверил, ждал, и вот она умерла.

– Прости.

Эль прижалась губами к уху мужа:

– Не слушай его.

– Нечего трепаться, если ни на что не способен. – Рой сплюнул на землю. – Сейчас помогу, сейчас помогу... Чертов оптимист. Ее смерть на тебе.

– Ты сделал все, что в твоих силах, – прошептала жена.

Джеймс, не обращая внимания на ругань Роя, закрыл глаза. Его жена валяется на земле, сам он ничего не сообщает. Но это даже неплохо. Нужен новый план. Надо чем-то занять себя, чтобы зашевелились мозги. Нельзя расслабляться, пережевывать допущенные ошибки и смерть бедной девушки, которую он не сумел спасти, потому что, если вступить в этот зыбучий песок, ему уже не выбраться.

– Не кори себя, – посоветовала Эль. – Думай.

По его руке побежали мурашки. Порой жена способна читать его мысли.

Прежде всего вода, решил Джеймс. Чтобы выжить, нужно пить. Он перевернулся и взял в каждую руку по раздувшейся от нагретой минералки бутылке. Одна им с Эль, другая Рою с Эш.

– Она была совсем рядом, – хрипел Рой. – В десяти футах...

Джеймс изогнул спину. Два позвонка щелкнули, словно выстрелы. Он дополз на коленях до багажника «тойоты» и, чтобы рассмотреть Роя, высунулся из-за заднего фонаря. Тот стоял на коленях у решетки радиатора «акуры» и держал за плечи Эш. Автомобиль заметно осел, внутри что-то капало, и им, чтобы оставаться вне поля зрения снайпера, приходилось ниже пригибаться. Жуткая картина: великан скрючился за капотом спорткара, плечи опущены, воля сломлена. Джеймс не видел лица Эш, только колеблющийся на ветру

каскад голубых волос.

– Вода! – хрипло окликнул он.

Ни один не поднял головы. Джеймс бросил бутылку и с ужасом смотрел, как она перелетела через мертвые ноги Сары, прежде чем Рой или Эш успели перехватить ее. Но, слава богу, угодила под переднее колесо машины и, подняв облако пыли, застряла в нескольких дюймах от сандалии на ноге Эш. И, жарко поблескивая на солнце, осталась лежать.

– Это все, что у нас есть.

Ни Рой, ни Эш к воде не потянулись. Разумно.

Джеймс отвинтил крышку со своей бутылки, сделал полглотка и, пропуская воду сквозь зубы, старался насладиться вкусом. Однако наслаждаться было нечем. Вода напоминала вареный пластик и обожгла нёбо. Он нехотя проглотил. В бутылки «Аквафины» двенадцать жидких унций. А сколько в глотке? Четверть унции? Джеймс работал в рекламном бизнесе и привык оперировать долями и процентами, поэтому его мозг тут же подсчитал, что жалкий глоток стоит двух процентов их запасов.

Он протянул бутылку Эль, и она глотнула, не скупясь. Десять процентов. Джеймс не хотел спорить. Какой смысл?

Попал в ловушку – атакуй врага.

Эту военную премудрость он слышал от отца, когда на коричневом ковре в гостиной смотрел старые фильмы с Оди Мерфи. Тогда ему было семь лет, и он не понимал, справедливо ли это и имеет ли какое-нибудь отношение к тактике.

Отец разговаривал с ним лишь для того, чтобы заполнить тишину. В следующем году отец упал с выбитым глазом около посудомоечной машины, убитый «мелкашкой» с прикладом орехового дерева.

Мысль была такая: если вы в укрытии, то именно там, куда намеревался загнать вас противник. Вам навязали условия, и если останетесь на месте и начнете сражаться на условиях врага, то непременно умрете.

Отец иногда повторялся, но Джеймс все равно внимательно слушал его, потому что тот, безусловно, производил впечатление. В середине фразы по-волчьи вращал челюстью, будто хотел зевнуть, однако движение так и не заканчивал. Энергично жестикулировал руками, выразительно рубил ладонью клубы дыма. Трогал бороду – не теребил, не поправлял, а именно трогал, словно проверял, на месте ли она. Приходили его друзья – грубые, длинноволосые и громкоголосые мужчины. В камуфляжных брюках, с короткой стрижкой спереди и по бокам и «хвостами» сзади, с грязными ногтями. Они называли себя «антисиноптиками»⁴, с гордостью или с сарказмом, а может, с тем и другим. Мать прятала Джеймса в спальне. Дом сотрясался от голосов и наполнялся запахом марихуаны. Джеймс засыпал, глядя на свет в щели вокруг двери и слушая обрывки речи. Иногда это были рассуждения о грядущей войне. Великой войне. Перевороте, как они

---

⁴ Леворадикальная террористическая организация, действовавшая в США с 1969 по 1977 г.

говорили.

Итак, ты сам нападаешь на противника. Подбираешься вплотную, застаешь врасплох и, самое главное, покидаешь простреливаемую зону. Если повезет, твои шансы пятьдесят на пятьдесят.

Атакуй своего противника.

Когда произойдет переворот, Джеймс, ты это вспомнишь.

В голову пришла нелепая мысль: если удастся снять «тойоту» со скорости и устроиться на сиденьях так, чтобы не высываться, они с Эль съедут по склону и застрянут в темном русле высохшей реки, в середине впадины, в полумиле отсюда. Куда угодно, только бы прочь от этого места. Наверное, русло послужит укрытием от прицела снайпера. Но лишь в том случае, если они переживут удар. Джеймс понимал: лезть на вооруженного врага можно от отчаяния. Ситуация была хуже некуда. Затем он вспомнил, что их «тойоту» без ключей не снять со скорости. Ключи звякали в его руке, когда пуля угодила в Сару. Но куда он их уронил? А комплект Эль пропал во время пожара в доме.

Жена закрутила пробку на бутылке, зажала ее между колен и внимательно посмотрела на мужа. От слез тени поплыли, и вокруг глаз образовались синяки.

– Хочешь что-нибудь сказать? – спросил он.

– Я тебе солгала.

– Когда?

– Солгала, будто продала фотоаппараты на «Крэйглист». –

Эль смущенно смахнула с глаз непослушную челку. – Не смогла. Оба сейчас под корзиной в черном чемодане.

– Неужели?

– Да.

– Я же тебе говорил, не продавай. – Джеймс поцеловал жену в обжигающе горячий лоб.

– Поступила так, потому что хотела себе доказать: если вернусь к фотографии, это будет многое для меня значить. – Эль понизила голос, словно хотела поделиться тайной. – В «Никоне» стоит трансфокатор.

– С каким приближением?

– С хорошим.

– Достаточным, чтобы его рассмотреть?

– Думаю, что...

Раздался глухой удар. Из-под «акуры» Роя взвился столб песка и разметался по прерии. Шорох осыпающихся песчинок скоро стих, шлепнулись комья земли. Джеймс прижался спиной к водительской дверце и крикнул в сторону соседней машины:

– Что это было?

Ему не ответили.

– Рой, Эш, вы живы?

– Проклятие! – Это был голос Роя.

– Что произошло?

– Негодяй расстрелял бутылку с водой.

Тэпп клацнул затвором, и выброшенная медная гильза упала справа на известняк, звякнув, как маленький колокольчик. Он не слышал жертв, но ему нравилось воображать их реакцию на его могущество.

О боже!

Не могу поверить!

Как ему удастся?

Невероятный выстрел! Маленькая вспухшая от нагретой воды бутылка лежала в стороне на гравии в 1545 метрах от него. На местности перед ней гулял порывистый боковой ветер. В супертелескопическом прицеле бутылка казалась едва заметной точкой. Она могла быть песчинкой на стекле оптики или непрозрачной клеточкой в глазу самого Тэппа. Маленькое чудо, что руководимая интуицией и точным расчетом рука направляла снаряд туда, куда хотел стрелок. Ни один из ныне живущих снайперов – военных или спортсменов – не поразил бы с какой-либо степенью уверенности цель подобного размера на таком расстоянии. Простые же люди посчитали бы успех Тэппа сверхъестественным. И одного человека он мог представить.

Вот так же он попал в наш навигатор.

Наверное, из военных. Отставник сил специального назначения.

Не иначе.

Тэпп надеялся, что они понимают, насколько труден был выстрел. Даже на более близких дистанциях дело было бы

непростое – это тебе не навел-нажал. Человеческое тело – главный враг стрелка: яростно пыхтящий механизм, отягощенный спазмами, болью и слабостями. Чтобы задать пуле необходимую траекторию, нужно учитывать все действующие силы окружающей среды. Влияние гравитации на высоту параболы, угол возвышения, сопротивление воздуха и его температуру, баллистический коэффициент, вращение Земли и, разумеется, порывы ветра.

А разве сегодня не ветрено? Разве от этого стрелять не сложнее?

Это только по телевизору, да еще в замедленной съемке показывают, как суперагенты стреляют на бегу через плечо и укладывают плохих парней, словно это не сражение, а балет. Или стрельба из пистолетов с двух рук! Чушь собачья! Бред! Абсурд! Тэпп не мог не злиться. Но сейчас он об этом не думал.

Он лучший на свете снайпер.

Открыв вторую бутылочку с энергетическим напитком (конечно, с ароматом винограда), Тэпп проиграл в уме последние несколько секунд. Пусть пуля угодила не в голову, но по напряжению выстрел был близким к этому, и удовольствие привычно разлилось по нейронным проводящим путям. После отдачи в прицеле возникла «воронка» – инверсионный след пули, лучше видимый в жаркий день. Проследив за ним, Тэпп понял, что траектория легла ниже и левее, чтобы, как он и рассчитывал, скорректировать сдвиг ветра.

Затем попадание. Во время полета пули у него хватило времени удобно податься вперед и, включив оптику, в стократном увеличении зрительной трубы увидеть фонтан тумана и земли. Вода испарилась и превратилась в мглистую завесу, сначала она распустилась наверху, а затем ее отнесло ветром. Тэпп представлял это снова и снова, пока не почувствовал, как его постепенно охватывает желание снова нанести удар.

Еще, пожалуйста.

Этот отстрел становился самым долгим за всю его практику. Хотя делов-то было на полчаса. Божественные маленькие всплески восторга после месяцев кропотливой работы и подготовки. Он уложил бы одного, другого, третьего – на бегу или ползущих по земле, – спрятал бы свой камуфляжный костюм, захватил пистолет и одолел милю через впадину. Затем осмотрел бы остывающие тела там, где они упали. Закрыв бы мертвецам глаза и воссоздал стрельбу с их места, представил каждую секунду с их точки зрения, нарисовал подобные лучам лазера воображаемые линии в пространстве, все движения и смертельное попадание.

Но данный отстрел получился иным. Четверо обреченных оказались достаточно сообразительными, чтобы, несмотря на выверенный угол обзора, укрыться за автомобилями. Ни один не сплеховал. Ни один не уткнулся носом в грязь, как современные хлюпики. Никто не бросился бежать по склону. Создавалась патовая ситуация, чего Тэпп совершенно не хотел. День пошел на убыль, солнце клонилось к закату.

– Сдвинь-ка их машины, – попросил он по рации. – И побыстрее.

Пока он говорил, под днищем «тойоты» чем-то занялась женщина: ее тень на жесткой траве то удлинялась, то укорачивалась. Под бампером медленно возникло нечто маленькое, серебристое.

Тэпп моргнул, его ресницы мазнули по стеклу оптической трубы.

Это еще что такое?

Эль зафиксировала цифровой «Никон» на мягкой земле и повела объективом по склону вдоль кратера, а потом, как учил Джеймс, на тридцать градусов вправо. Зеркальный видеоискатель позволял наблюдать, не выставляя напоказ головы. Во всяком случае, она на это надеялась. Под таким тупым углом под днищем машины у переднего колеса трудно было сказать, где заканчивается безопасная зона.

У другого автомобиля рыдала девушка – кажется, ее имя Эш? Ужас! Эль не представляла, каково вот так потерять сестру – на глазах, под палящим солнцем. Надо ей что-нибудь сказать.

– Эй! Тебя зовут Эш? – крикнула она. – Эшли?

Тишина.

– Да, – наконец ответила девушка.

– Я Эль.

Под таким углом она едва видела видеоискатель. Диафраг-

ма была установлена как для съемок в помещении, пропускала много солнца, и аппарат предупреждал о засветке. Осторожно выставляя пальцы один за другим (Эль сомневалась, чтобы при всем мастерстве снайпер сумел бы попасть в отдельный палец), она повернула регулятор диафрагмы с четырех на восемь, затем на одиннадцать, и на экране появилась панорама горизонта.

– Сколько тебе лет, Эш? – Эль облизала губы и наклонила аппарат так, чтобы два центральных маркера на экране были ниже рваной линии горизонта.

– Восемнадцать, – всхлипнула девушка.

– Расскажи о себе. Чем тебе нравится заниматься?

– Не знаю.

Чтобы смотреть в видоискатель, Эль пришлось выгнуть спину буквой S: плечи вперед, голова повернута назад. Она не знала, где проходит невидимая линия между жизнью и смертью, но у нее возникло ощущение, будто она касается этой линии щеками и задевает трепещущими ресницами. Тяжелое дыхание и изогнутый дугой позвоночник тянули вверх и назад, не давая перейти грань и попасть в прицел снайпера. Может, она так его дразнила?

– Почему у тебя голубые волосы? – Дурацкий вопрос.

– А что, нельзя? – огрызнулась Эш.

Чем бы дитя ни тешилось, подумала Эль и повернула кольцо оптического зума. Долина стала приближаться и темнеть. Как же ей нравился этот телеобъектив! Эль любила эф-

эффект сжатия строений, когда целые районы из стали, кирпича и стекла превращались в лишенную глубины плоскую стену. Центры городов всегда завораживали обилием вертикальных линий. Некоторые из ее любимых снимков были сделаны с верхотуры здания Куигли: вниз на крыши Уоллеса с их парапетами, техническими ящиками и страдающими завистью по Большому Яблоку⁵ горгульями. У Эль был талант построения композиции, но она быстро поняла, что на таланте не заработать.

– Ты чему-нибудь учишься? – Эль снова попыталась завязать разговор.

---

⁵ Прозвище Нью-Йорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.